

Татьяна Веденская

Вторая половина Королевы

роман

*Лучшие романы об отношениях мужчины и женщины
от одного из самых ярких авторов российского
мейнстрима. Возвращают к счастливой жизни
быстрее, чем сеансы психотерапевта.*

Татьяна Веденская
Вторая половина Королевы
Серия «Позитивная проза»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26899513
Вторая половина Королевы: «Э»; Москва; 2017
ISBN 978-5-04-088580-0*

Аннотация

У Фаины Ромашиной снова «все плохо». На сей раз ей предстоит познакомиться с родителями своего принца. Производить хорошее впечатление – это не ее конек, и девушка ищет повод уклониться от этой встречи. Работа дает ей такую возможность: Фаину вызывает к себе на ковер прекрасная начальница Оксана Метлицкая. Вот уж у кого все должно обстоять просто как в сказке! Однако быть красивой еще не означает быть счастливой, о чем Оксана знает не понаслышке. Ее сердце хранит свою тайну, и только Фаина Ромашина может разгадать секрет.

Содержание

Пролог	6
Часть 1	19
За полтора месяца до...	19
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Татьяна Веденская

Вторая половина Королевы

Нижеизложенное описание жизни, метаний и тревожений Фаины Ромашиной и Игоря (Малдера) Вячеславовича Апреля, а также других жителей книги, включая Черную Королеву, является вымыслом, допущением, шуткой, бредом и параллельной реальностью автора.

Большинство людей боятся трех вещей: доверять людям, говорить правду и быть самим собой.

По мотивам ФМД

*Если хочешь быть выше всех здешних сил и интриг, не допускай, чтобы кто-то диктовал тебе, как следует поступить в том или ином случае.
Кристофер Паолини. «Эрагон»*

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также

использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Саенко Т., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Пролог

Все очень плохо, и на сей раз это не шутки. Я пробую открыть глаза. Это действие дается мне нелегко, тело совсем не слушается, будто я – тряпичная кукла. Пытаюсь пошевелиться, со стоном стараюсь сесть, но без особого успеха. Нет, я скорее радиоуправляемая игрушка, пульт от которой неизвестно где и у кого в руках. Холодно. Кажется, я лежу на земле. Все болит, похоже, что я ударилась обо что-то плечом. Я не чувствую рук и ног – только сильное головокружение, тошноту и головную боль, словно я пила с Машкой Горобец неделю, не просыхая. Вот только не могу вспомнить, когда я в последний раз видела Машку – подругу дней моих суровых, мою мудрую гусеницу, выпускающую изо рта клубы ароматного никотинового пара, мою боевую соратницу, предавшую меня трижды еще до того, как прозвенел петухом мой будильник на телефоне. Впрочем, это уже в прошлом.

Я снова открываю глаза, и мысли о Машке Горобец рассеиваются, как туман от ее паровой электронной трубки. Черт, что за ерунда, почему мне так плохо? Как там было в каком-то старом анекдоте, кажется, про спящего Брежнева, который сквозь сон все повторял: «идея, идея, идея». Его переспросили, о чем он вообще говорит, какая идея. А он в ответ сфокусировался, напрягся и ответил: «И де я, и где я

нахожусь, а?»

Итак, идея. Что, если я включу мозг и подумаю об этом — не завтра, а прямо сейчас? Поэтому человеку и даден мозг, чтобы он им думал. Мой же совсем не готов к труду и обороне. Желает отключиться, вернуться в сладостное небытие, но я не даю ему. Усилием воли я заставляю себя сосредоточиться на окружающей меня реальности. Я вижу сверху море цвета индиго, бесконечное, светлеющее книзу, переходящее в оранжевый огонь. Небо. Я смотрю на небо. Вечернее небо. Почему это меня удивляет? Потому что мой внутренний часовой механизм говорит, что сейчас — время обеда. Ладно, что еще? Я поворачиваю голову и вижу траву. Высокая, густая, жесткая — она улетает вверх, как бамбуковые стебли. Дикий луг? Мир вокруг меня смазанный, нечеткий. Запах травы сводит с ума. Кто-то жужжит над ухом. Ненавижу насекомых. Как настоящий городской червяк, я просто терпеть не могу экологию, чистый воздух и мир, населенный существами, которые могут меня укусить и высосать кровь. Если бы я встретила Эдварда — сумеречного вампира, я бы ни за что в него не влюбилась, а скорее купила бы фумитокс.

Где я? Ясное синее небо темнеет на глазах. Летом смеркается поздно. Значит, сейчас не меньше восьми часов. Провалы памяти? Я что, попала в дешевый сериал, в котором у главного персонажа амнезия? Или... вдруг моя сестрица

Лизавета была права, рассказывая про то, что я считала полнейшей чушью под названием «осознанные сны». Может ли быть, что я попала в один из этих чертовых осознанных снов, о которых мне прожужжала уши сестрица?

Может, все дело в том, что она мне внушила эту мысль? И поэтому меня теперь мучает кошмар?

Осознанный сон. Это очень похоже на то, о чем говорила Лизавета. Закрываешь глаза, сосредотачиваешься, лежишь неподвижно, прямо, на спине, руки вытянуты вдоль тела. Ничего не делать, дышать ровно, спокойно. Думать о том, куда хочешь попасть. Невесомость, легкость в теле, странные миры. Осознанный сон позволяет заглянуть в собственный внутренний мир, увидеть собственное подсознание, прогуляться по нему, как по бульвару. Психология будущего, осознанный сон. Все это – теория. На практике – я ничего этого не делала. Я вообще не помню, чтобы ложилась спать. С другой стороны, если я все еще во сне, то опять же в теории могу и не помнить, как спать ложилась.

Какая глупость, какой бред, и все же меня не покидает ощущение полной нереальности происходящего. Я ворочаюсь, крихчу, задыхаясь от напряжения. Сердце стучит так, словно я уже лет десять как вышла на пенсию и пережила пять инфарктов. Нехорошо. В конце концов мне все же уда-

ется сесть и оглядеться. Я сижу на смятой траве посреди поляны. Вокруг меня лес.

Лес, мать его? ЛЕС?! Как я могла оказаться тут, я, кто не любит даже за грибами ходить? Пять минут назад я была на работе, и вот на тебе, в лесу?

Так, осознанный сон. Вспоминай, Фая, что тебе рассказывала твоя беременная сестра. Вот что бывает, когда не слушаешь близких, пропускаешь все мимо ушей. «Осознанный сон подобен реальности, так что неопытный путешественник вполне может запутаться и принять одно за другое. Но если быть внимательной, можно разобраться». Да, точно! По ее словам, там есть вещи, на которых можно поймать собственное бессознательное, как карточного шулера, нечистого на руку. К примеру, небо. Ни единого облачка, никаких самолетов и огней. Ну не может быть такого чистого неба в Москве, верно? У нас кто-нибудь надымит да насветит. С другой стороны, безоблачное небо в августе – не такая уж странная вещь. В Москве лето, жара. Дождя не было уже неделю как минимум, на что мне постоянно жаловались и сестра, и мама. Не знаю, не знаю.

Тишина. Вокруг меня тишина такая осязаемая, что ее можно, кажется, потрогать руками. Если бы не жужжание каких-то насекомых, я вполне могла подумать, что лишилась слуха. Нет, даже у нас на даче никогда не было так тихо. Кто-

то все равно стучал бы топором, жужжал бы рубанком. Двери бы хлопали, кто-то смеялся бы, кричали бы пьяные – их всегда полно летом на дачах. Ездили бы мотоциклы. Я прислушалась – закрыла глаза и даже перестала дышать – нет, ничего. Тихо, как в колодце. Осознанный сон, допустим. Хотя все рассказы моей сестрицы об этой новомодной ерунде – полная околесица. Но предположим на секундочку, что я в одном из этих снов, хотя я ни разу не пыталась в него попасть, не лежала, вытянувшись, на спине, не прокручивала в голове мысли. Однако если это сон, то как мне прикажете из него выбираться?

Определенно сон! Без сомнений! Никаких вариантов. Я сплю. Почему? Да потому что иначе я просто никак не могла бы сюда попасть. Допустим, я сошла с ума, сбежала с работы, пошла по грибы, забрела черт знает куда и вырубилась, предположим, от жары, на лесной полянке. Но как я дошла бы сюда, если тут нет ни малейшего намека на дорожку. Вокруг меня, как море – трава по пояс, без преувеличения, и нигде, абсолютно нигде она даже не примята. По факту, единственное место, где трава хоть чуть-чуть подверглась воздействию, – это то место, где я лежала. А остальная поляна – совершенный защитный круг. Ни тропинок, ни следов того, что я проходила, приминая ногами высокую траву. Если бы я прошла тут, остался бы след.

Не-воз-мож-но!

Только сном объясняется то, что я вот так просто появилась посреди этой поляны, материализовалась в этой точке времени и пространства, трансгрессировала, свалилась с небес, пришла из параллельного мира. Тессеракт, мать его. Осознанный сон, не иначе. Я сделала глубокий вдох-выдох и пошла потихоньку к границе леса, на ходу проверяя ощущения. Плечо болело так, словно меня били. Саднило бедро. Каждое движение давалось с трудом, с каждым шагом мне все меньше верилось в то, что я сплю. «Я не пессимист. Я злой, замерзший, усталый и голодный оптимист». Где я это видела? Какой-то статус на картинке из Интернета. Я слишком вымотанная для человека, который мирно спит в своей кровати. Мне холодно, на мне тонкие псевдоджинсовые бриджи и топ на бретельках – нормальная одежда для августовской жары, но в лесу вечером уже свежо. К тому же у меня ноет левая нога. Вывихнула? Как, когда? Все тело болит так, словно я неделю без перерыва тренировалась в бадминтон. Что за ерунда? Может ли во сне болеть что-то, да еще так сильно? Я вспомнила, что мне говорила сестрица.

– Если внутри осознанного сна ты видишь надпись, прочти ее, а затем прочти еще раз. Во сне надпись никогда не остается прежней, она всегда меняется, так уж устроено наше подсознание.

– Почему? Кто сказал? Откуда такие данные, как их про-

веряли? Какими приборами измеряли? – не унималась я тогда.

– Тебе лишь бы все упростить до обычной стандартной науки. Ты про New Age хоть слышала? Наука сегодня во многом устарела.

– Наука? Устарела? – трепыхалась я, закипая от возмущения. И ведь клялась же не вести подобных разговоров с Лизой. Пользуясь ее же собственной терминологией, бесполезно наполнять чистой водой сосуд, забитый под завязку гидрогенизированным твердым трансжиром. Но меня просто «клинило», когда новые увлечения моей сестры накатывали на меня взрывной волной. Осознанные сны, чтение ауры, гадания по картам и по различным прохладительным напиткам. Исправление кармы с помощью переписывания матрицы прошлой жизни! Но конечно, Лизино увлечение ее мужем Сережей бесило больше всего. Ладно, оставим в покое сестру, займемся более важными вещами. Снами. Значит, предположительно, если это сон, то я не смогу прочесть одну и ту же надпись дважды. Она переменится перед моими глазами, как по волшебству, и все станет понятно.

Это идиотизм. Все мое рациональное начало, все мое образование и последующая жизнь программиста восставали против «вводной» об осознанном сне, но ничего другого я не могла придумать. Никаких иных тезисов и теорий.

Я стою на поляне и хлопаю себя по карманам. Рюкзака нигде рядом нет. Это крайне странно и совершенно для меня нетипично. Я уверена, что на работе была с рюкзаком. Что еще у меня есть из объективных фактов? В передних карманах джинсовых бриджей ничего нет. Самое обидное – ни малейшего намека на мобильный телефон. В заднем кармашке штанов нашлись мои солнцезащитные очки – разбитые, какая жалость. Дорогие, между прочим, были. Могут мне, интересно, сниться с такой реалистичностью мои очки? Я покрутила их в руках. Стекло треснуло. Оправу еще можно будет использовать, а стекло придется менять. Самая дорогая часть, я делала очки на заказ. Фильтры от компьютерного излучения, фильтры для расслабления глаз, черт его знает какие еще фильтры. Программист всегда стоит под ударом, если речь идет о глазах. Так, что бы мне прочитывать, чтобы проснуться?

– Ты смеешься, Ромашка? – спросила я сама себя. – Ты всерьез считаешь, что тебе это снится?

– Ничего не знаю! – воскликнула я в ответ и пожалала плечами. Затем мне в голову (возможно, спящую) пришла идея. Я сняла топ и вывернула его наизнанку. Бирка на топе сказала, что я ношу размер Medium и что топ «made in Bangladesh». При повторном прочтении ничего не изменилось. И в третий раз тоже. Ощущение нереальности постепенно начало сменяться паникой. По крайней мере я не сплю, да. Но кто сказал, что это хорошо? Если все не сон, то какого лешего про-

исходит?

Дальше я поплелась куда-то по траве, не выбирая направления, но, дойдя до кромки леса, замешкалась, не зная, что мне делать. Вопрос был вовсе не праздный, я понятия не имела, где я, и, что логично вытекает из «дано» — не знала, куда мне теперь идти. За деревьями начиналась густая, неприятная лесная тьма, чаща, соваться в которую мне совсем не хотелось. Однако выбора у меня, похоже, нет. Поляна, на которой я очнулась, была относительно большой — размером с площадку для тенниса или с четыре площадки для бадминтона, что на самом деле одно и то же, если брать за сравнительную категорию именно размер, — и была окружена лесом со всех сторон. Какая сторона куда ведет, как узнать?

Чисто в теории можно было попробовать определить, где север, а где юг — по мху, но еще более корректно, по положению солнца, свет заходящих за горизонт лучей еще был виден. Солнце садится на западе. В условиях Земли Солнце, как планета, всегда определяет сторону света, так что там, за лесом — запад, сомнений в этом нет. Но что мне это даст? Допустим, там запад, за березовой рощей будет юг, а за елками север. И что? Чем мне это поможет? Как определить, какая дорога правильная, если тут вообще дорог никаких нет. Даже маленькой тропиночки. Только трава, по которой не ступала нога человека. Эх, мне бы сейчас найти камень, на котором было бы написано, куда пойти, чтобы коня потерять, а куда

– чтобы голову. Впрочем, голову я, кажется, давно потеряла. Как еще объяснить, что я лежала тут, на поляне лесной, как натуральная Спящая Красавица, только принца не хватает.

Черт! Принц! Я аж подпрыгнула, словно меня ударило током. Вечер, восемь. Я же должна была ему позвонить. В смысле, не сказочному принцу, конечно, а моему... как бы это поточнее выразиться... мужчине моей мечты, Игорю Вячеславовичу Апрелю, с которым мы – я отчетливо это вспомнила – дико разругались. Его родители, из-за них мы и поссорились. Черт, точно. Мы же должны были сегодня знакомиться с ними. Сколько веревочке ни виться, а от знакомства с родителями не убежать. Так это было сегодня? Или вчера? Я потеряла ощущение времени. Сколько я пролежала тут, на этой лесной поляне без единого человеческого следа? Я помню, Игорь хотел забрать меня с работы. Да, я была на работе. Работа. Метла. Черная Королева. Мы с моей начальницей Оксаной Павловной сидели в переговорке на двадцать седьмом этаже нашего «Муравейника», обсуждали что-то важное и неприятное. Что-то я упускаю, что-то точно забыла. В моей памяти вдруг возник непрошенный образ – Черная Королева, я вижу ее, она стоит около большого, в пол, окна и плачет навзрыд. Она не видит меня. Я в шоке, не верю своим глазам.

Я сжала виски ладонями, пытаюсь сосредоточиться. Це-

почка событий разваливалась на неравномерные, непропорциональные куски. К примеру, дано – мужчина обещал прийти на встречу с множеством подруг. С каким множеством? С пустым, равным, закрытым, бесконечным, нечетным? Я постаралась успокоиться, прижалась лбом к березе. Последовательность чисел, последовательность данных, временная цепочка. Утро, день, вечер, ночь. Я потеряла часть данных. Что было сегодня утром? Я надела свои джинсовые штаны, потому что это было единственное, что я нашла в пустом шкафу в маминой квартире. Как я оказалась там? Хороший вопрос, если учесть, что с самой весны я как бы жила с Игорем Апрелем. Сегодня я в маминой квартире, потому что прячусь там от родителей моего Принца. Они приехали к нему в гости из Владивостока. Я живу у мамы с прошлой пятницы, уже восьмой день. Мой Принц решил, что так будет лучше.

Мы с Игорем договорились, что просто сделаем вид, что не живем вместе. Познакомимся с родителями так, будто мы, как приличные люди, встречаемся, ходим на свидания, все такое... Я ухватилась за эту идею, как утопающий за соломинку. Родители у Апреля старой закалки, гражданских браков не понимают.

Кстати, когда Игорь сказал об этом, я долго ходила в шоке. Мне и в голову не приходило, что я живу с кем-то в «граж-

данском браке».

Так, время, время. Темнеет, Фаина. Думай быстрее. Ты теперь – как Китнис Эвердин из «Голодных игр». Может быть, надо мной тоже проводят какой-то эксперимент на выживание? Если так, лучше сразу заберите свои деньги. Итак... начиная с самого начала. Я забыла чехол от солнцезащитных очков на работе накануне, поэтому пришлось впопыхах запихнуть дорожные очки в карман штанов. Это я помню. Так, что дальше? Звонок сестры. Лизавета, довольная и гордая, сообщила мне, что ее драгоценный супруг устроился на работу – посменно, сутки/трое. Молодец какой, уважай его теперь. Вот бесит в самом деле. Работаешь, понимаете, годами, и ничего, нормально, никакого особенного уважения. А Сережа пошел работать – так теперь тише, не шумите, Сережа спит, Сережа отдыхает, Сереже надо пирогов напечь.

Лизавета просила забрать Вовку. Я ей не отказала, хотя у меня на вечер был запланирован ужин с родителями моего Апреля. Соблазн был повернуть все в обратном направлении и отказать родителям. Я решила, что успею все.

Может быть, я бессознательно попыталась увернуться от знакомства и сбежала в лес? Чем не вариант? Как лунатики ходят во сне. В осознанном сне. Да, теперь я четко припоминаю, как сегодня утром Лизавета снова замучила меня рассказами про осознанные сны и то, как эта новомодная ерун-

да помогла ей в работе с какой-то клиенткой, с которой до этого они, кажется, разбирали прошлые жизни. Лизавета – психолог, но такой, в словарном запасе которого прекрасно уживаются слова «бессознательный», «серотонин» и «прошлые жизни». Мой Принц – тоже психотерапевт, но какие же они с Лизаветой разные. В его лексиконе есть «антидепрессанты», «тренинги» и «психотерапия острых состояний», а «прошлых жизней» нет, хвала небесам. Клиентки Лизаветы любят гадать на кофе с коньяком и копаться в прошлых жизнях. И осознанные сны им тоже нравятся. Клиенты моего Апреля – наши всемогущие боссы, а еще весь менеджмент нашего холдинга, мечтающий улучшить свою работоспособность и мотивацию, продавать еще больше всякой ерунды, добывать еще больше нефти, запустить новые платформы, разработать и перекопать снизу доверху Наш Север.

Я поежилась от холода и проводила взглядом исчезающий свет за кромками деревьев. Я что, буду одна ночью в неизвестном лесу? Холодок пробежал по спине. Нет, я не сплю, но кое-что странное во всем случившемся все равно было. Дело в том, что я кое-что вспомнила.

Часть 1

Ноутбук, mon ami¹

За полтора месяца до...

Все началось, когда Оксана Павловна Метлицкая – красивая женщина с прекрасным именем – пришла со своей проблемой ко мне, хотя, на мой взгляд, у нее были варианты и получше. Не то чтобы пришла – ей ходить по роду службы не положено. Поманила пальцем, вызвала в свой кабинет – я и побежала как миленькая. Почему-то всегда, когда речь идет о вызове к начальству, я моментально решаю, что меня увольняют. Однако на сей раз, для разнообразия, проблема была не во мне. Оксана Павловна сказала, что проблема была в ее компьютере, но на самом деле вопрос был в другом. Оказывается, у Оксаны Павловны, нашей Черной Королевы, тоже, как выяснилось, имелось сердце. Кто бы мог подумать. Каменное сердце.

Черт его знает, почему она пришла именно ко мне. Могла же обратиться к кому-то еще? Конечно. Это было бы куда логичнее. В конце концов, в нашем холдинге для каждого

¹ Мой друг (фр.).

случая и вопроса есть специально обученные люди. Но она обратилась ко мне. Вспомнила случайные обрывки случайно услышанных разговоров, посмотрела в мое личное дело. В общем, все вышло случайно. Люди недооценивают значение случайностей в нашей жизни, когда это совершенно логично и уместно, и переоценивают там, где случайность можно практически сбросить со счетов. К примеру, вероятность встретить старого знакомого, находясь в отпуске, гуляя по центру Праги, куда выше, чем мы думаем. Статистически, все мы берем отпуск в примерно одно и то же время, как правило, поздней весной или летом, в крайнем случае ранней осенью. Редко – в самый пик сезона. Чаще ищем путевки со скидкой, прилаживаемся к расписаниям школ, детских садов, отпускному графику коллег. Знакомых же имеем много, куда больше, чем нам кажется. Однако столкнувшись «случайно» в местах традиционного скопления туристов, мы поражаемся так, словно случилось чудо, сопоставимое с Большим Взрывом Вселенной.

Если же мы покупаем лотерейный билет, шансы на выигрыш – математически, конечно, – столь малы, что практически отсутствуют. В прямом смысле один на миллион. Или даже меньше. Но сердце наше стучит, мы надеемся, верим. Ведь кто-то же выигрывает. Он же тоже купил билет. Статистика неприменима к сердцу, теория вероятности не может помешать нам верить в чудо. И это, как говорит мой никогда

не теряющий самообладания мужчина с красивой фамилией Апрель, норма. Он очень любит это слово – норма. У него все, куда ни плюнь, норма.

– Фаина Павловна? – слышу я и понимаю, что застыла в дверях, не решаясь войти. То, что вызов этот случаен, я еще не знаю. Черная Королева стоит в дверях и с удивлением рассматривает меня. Уверена, она считает меня каким-то редким подвидом удода, принявшим человеческий облик. – Проходите, чего вы там застряли?

– Я читала... читала наш план эвакуации. Надо же быть подкованной, – пробормотала я, бросив взгляд на стенку рядом с кабинетом. Затем беспомощно – на Королеву. Там, рядом с ее кабинетом, где всегда – ВСЕГДА – висел план эвакуации при пожаре, теперь было пусто, плана не было, его кто-то унес. Вместо него под рамкой с надписью «план эвакуации» красовалась бумажка формата А4, на которой от руки было выведено: «просто беги». Ниже было приписано другой рукой, другими чернилами: «или прыгай из окна». Черная Королева выглянула из офиса, посмотрела на стену, потом на меня.

– План исчерпывающий, есть что почитать, – хмыкнула Черная Королева. – Дадите мне знать, когда закончите.

– Я уже закончила, – ответила я со всей неуместной в данном случае важностью. – Мне кажется, нам нужен новый план.

– Да что вы говорите. – И она рассмеялась той разновид-

ностью смеха, от которого любому подчиненному становится не по себе.

– Прыгать с двадцать шестого этажа – не самая эффективная затея, как мне кажется, хотя, конечно, можно надеяться, что в случае пожара люди и сами... додумаются... не следовать рекомендациям этого... – Я продолжала говорить, не зная, как заткнуться, а Оксана Павловна откровенно веселилась, глядя на меня. Она не сводила с меня своих черных глаз, и под этим цепким оценивающим взглядом мне было неуютно. Грациозная и идеальная, как чертов киборг-убийца из «Терминатора», черноволосая Черная Королева смотрела на меня, как ученый на кролика, и я ничего не могла поделать, просто хлопала глазами.

Почему она вызвала в тот день меня? Может быть, от того, что в ее системе координат я располагалась так далеко от самого понятия красоты, как Нептун от Солнца, и, таким образом, не представляла для нее угрозы, но я не чувствовала никакого особенного негатива. Черная Королева наблюдала за моим ступором без враждебности, изучающе, даже с любопытством. Не то чтобы другие девочки, скромно представленные в нашем сугубо мужском отделе IT, могли хоть как-то противостоять Оксане Павловне. «Другие девочки» – это Яночка из техподдержки, но я не уверена, что Оксана Павловна вообще отдавала себе отчет в том, что Яночка – девочка. Это было естественно, с первого раза половая

принадлежность нашей Яночки, как говорится, не читалась. Она была худенькой, невысокой, вечно носила «размахайки» с капюшонами, очки, наушники и крайне спорную стрижку. Лохматость такого рода могла образоваться на программистской голове любого пола. Иногда летом Яночка приходила на работу в коротких хлопковых юбках, и тогда наши мальчишки смотрели на нее удивленно и ошарашенно, словно не узнавая ее в этой маскировке.

– Мне нужна ваша консультация, если вас не затруднит. Думаете, можете отключиться от планов спасения в момент пожара? – Черная Королева, наконец, прерывает молчание и отворачивается. Самое время, а то я решительно не знаю, как заставить себя перестать на нее пялиться. Оксана Павловна сегодня в белом, она вообще любит светлые цвета, так хорошо оттеняющие черноту ее блестящих волос. Утрированный образ Роковой Женщины читается с первого взгляда. В самый первый день своего царствования в нашем захолустье, я помню, она появилась – высокая, стройная, в ослепительно-белой шубе. У такой белизны, какая была у ее шубки, светоотражающая способность – альbedo снега. Смотреть без солнцезащитных очков не стоит, можно повредить глаза. И все же с самого первого мгновения я поняла, что передо мной именно ее величество Черная Королева.

– Консультация? Моя? А в какой области? – ляпнула я.

– В вашей профессиональной, конечно. Было бы довольно

странно просить вас заняться заменой электропроводки, к примеру. Или пожарной безопасностью. Хотя...

– Я к вашим услугам, – прервала ее я.

– Да? Хорошо хоть перчатку не бросаете, – хмыкнула она, холодно улыбаясь.

– В смысле... какого рода консультацию вы хотели бы получить? В области программирования?

– В некотором роде. Фаина Павловна, вы не могли бы посмотреть, что у меня с компьютером? – после некоторой паузы сказала Черная Королева. – У меня есть подозрение, что он поражен вирусом.

– А антивирус запускали? – спросила я и снова получила такой взгляд от Черной Королевы, что мне захотелось бежать. Неужели и я сама попала под влияние стереотипа, что красивые женщины обязательно ничего не понимают ни в чем, кроме того, как красить ресницы? Со мной-то все понятно. Я – маловыразительный компьютерный червяк, имею право быть умной. Но Оксана Павловна – ослепительна. С другой стороны, в ее глазах есть что-то такое... дерзкое, непередаваемое, что бывает только во взгляде очень сильных людей. Она не была дурой. Это я показала себя идиоткой, предположив, что она не запустила антивирус.

– Никаким антивирусом вирус не определяется, но косвенные признаки есть. Мне не понравилось... кое-что. Я вам расскажу все в деталях, не волнуйтесь.

– Компьютер или ноутбук? – уточнила я. Вопрос не празд-

ный, ибо в нашем отделе хватало и того и другого. Впрочем, меня не тянуло подходить ни к тому ни к другому. Еще живы были воспоминания о том, как Оксана Павловна заставила меня за свой счет покупать ей ноутбук, на который я предположительно пролила кофе. Да, потом выяснилось, что я стала жертвой обстоятельств, но, как говорилось в старом анекдоте, который так любит моя мама, «ложечки нашлись, а осадочек остался».

– Ноутбук, – ответила Оксана Павловна, продолжая смотреть на меня задумчиво, словно она все еще принимала решение, можно ли мне доверять. Затем она поправила волосы, на ее запястье при этом звякнули браслеты. – Да, да, ноутбук. Хотя, возможно, ничего серьезного. Но всегда лучше перестраховаться, чем проигнорировать этот момент, верно?

– Может, лучше Шарикова попросить, он у нас, как-никак, специалист по информационной безопасности, ему и карты в руки. И программы у него есть специальные, и опыт.

– Я могу, конечно, обратиться к нему, но я его совсем не знаю, – ответила моя Королева, поразив меня до глубины души. Получается, Оксана Павловна считает, что мы с ней хорошо знакомы? Интересно, как она пришла к этому выводу? Когда именно успела узнать меня поближе, когда увольняла или когда штрафовала? А может, когда всех наших заставила носить бейджики с именами, чтобы ее величеству не пришлось имена запоминать?

– Ну... если вы считаете... то, конечно, попробовать мож-

но, но лучше бы... все-таки... все же...

— Что вы там мямлите, я не могу понять ни слова? — холодно процедила она. — Вы «против»? Так и скажите. Вы не готовы мне помочь сами?

— Нет, я готова, конечно, просто моя квалификация... она хорошая, но хромает, если сравнивать с другими... и потом, мало ли что.

— Мало ли — что? — спросила она, пристально разглядывая мое покрасневшее лицо. — Мне казалось, что все прошлые недоразумения между нами остались в прошлом. В какой-то степени все случившееся даже пошло на пользу, — заявила она, снова удивив меня. — Раньше я ничего о вас не знала, теперь же знаю кое-что. И этого достаточно, чтобы начать диалог. Потому что просьба моя, видите ли, она личного, частного характера.

— Частного характера? В каком смысле? — забеспокоилась я.

— В прямом. Мне очень важно, чтобы человеку, которому я отдам компьютер, можно было доверять. Так что, я могу на вас рассчитывать?

Я вздохнула, отодвинула кресло так, чтобы гарантированно не задеть ни одного провода, и села за стол. Все-таки совсем не умею я общаться с начальством. Даже близко не могла предположить, что за всей этой историей я умудрилась заработать монаршее доверие. С другой стороны, в ее словах

была доля истины. В какой-то степени после всей истории с сумасшедшей преследовательницей я стала чем-то вроде вскрытой карты. Оксана Павловна знала обо мне куда больше, чем о других сотрудниках нашего отдела. Она знала, что я не предатель.

– Я только не уверена, что смогу помочь, – добавила я.

– Не сможете или не хотите? – спросила Королева, и голос был густой, пропитанный ее фирменным ядом гремучей змеи. Я хотела было ответить, что не хочу, но что-то все же заставило меня промолчать. Инстинкт самосохранения, наверное.

– Я посмотрю, – тихо сдалась я, и Оксана Павловна подвинула мне ноутбук. Определенно она просто любит пытать людей, а я – уж так вышло – стала ее любимым опытным кроликом. Наш босс. Большой вопрос, как эта фотомодел ь вообще оказалась на месте руководителя IT-отдела московского офиса нашего холдинга. Первая версия – как раз за Красоту и Умение выбирать одежду невыносимо-го белого цвета. Но такие «аргументы» хороши, если нужно управлять, я не знаю, прачечной или магазином на три с половиной человека. IT-отдел крупного многофункционального нефте-газо-садо-мазо-холдинга просто не может функционировать за счет одной только правильной осанки и красивой улыбки его босса. Нужен высококвалифицированный специалист.

Поэтому, когда наша Оксана Павловна «летающей походкой» вышла из мая», мы все с интересом ждали второй серии, чтобы она так же «скрылась» за поворотом. Но, к нашему удивлению, Оксану Павловну не трогали, а отдел работал вполне сносно. Программисты и технари даже перестали опаздывать – из-за введенных ею штрафов. Несколько аутсорсинговых процессов вполне успешно запускались. Шли разные переговоры, писались отчеты. К удивлению, неплохо, потому что технической квалификации у Черной Королевы, конечно, не хватало. Зато управленческой было с избытком.

Ноутбук – дорогой, мощный, созданный специально для таких профессионалов, как я, жужжал ровно, спокойно. У меня дома теперь стоял точно такой же. Получается, что, облив предыдущий ноутбук Черной Королевы кофейком, я заполучила его на веки вечные. В принципе я все еще жду, что ноутбук у меня отнимут, но про него, кажется, все просто забыли. Технически он был не мой, рабочий, и записан он был на Оксану Павловну, но никого это не волновало. Наш отдел оплатил еще один такой же для нее, и теперь я имею возможность вольготно распоряжаться «сломанным», раскидывая по всем уголкам почти бесконечной памяти, закачивая туда программы и сериалы.

– Вы хотите чего-нибудь? Чай, кофе? – спросила меня Королева, параллельно вызывая кого-то по телефону.

– Кофе? Только не кофе, – усмехнулась я. Королева снача-

ла нахмурилась, а затем тоже улыбнулась. Улыбка в этот раз у нее получилась на удивление нормальной, человеческой. Не хищная и садистическая, как ожидалось, а добрая, словно бы она испытывала сочувствие ко мне в связи со всем, что мне довелось пережить из-за чертового кофе. Я подумала – наверное, она специально работала над этой улыбкой. Нужно же ей нравиться и простым людям. Оксана Павловна нажала на кнопку селектора.

– Один кофе и бутылку воды, пожалуйста, – сказала кому-то она, и все заказанное почти молниеносно появилось у нас на стеклянном столе. Да, у моей руководительницы был не обычный стандартный деревянный стол руководителя. Когда-то скучный кабинет Кренделя, нашего прошлого босса, теперь превратился в цитадель стиля модерн. Тяжелая, солидная деревянная мебель, которую так любил Крендель, исчезла. Ее место заняли невесомые, ультрасовременные стеклянные столешницы. Рамки с фотографиями с широкими белыми полями, изогнутые спинки ортопедических кресел. Книги, в основном имеющие отношение к бизнесу, экономике и управлению, идеально чистый высокий стеклянный стакан с водой – на керамическом подстаканнике. Единственное живое существо – орхидея в горшке. И я. И сама Королева. Хотя... нет, сама хозяйка кабинета все же не считается, киборги – не живые. Как бы они ни улыбались.

– Значит, вирус? С чего вы взяли? – спросила я, испытывая необъяснимое недовольство от того, что сквозь огром-

ную прозрачную столешницу было видно мои ноги в кроксах. Как-то не привыкла я смотреть на свои ноги сквозь стол.

– Разное, – рассеянно ответила Оксана Павловна. – Иногда без видимых причин ноутбук стал перегружаться. Обычно он «летает», а в какие-то моменты тормозит, как бульдозер. При этом никаких лишних фоновых процессов нет.

– Это могут быть системные процессы, которые нигде не указываются, – возразила я.

– Да, – согласилась она. – Но также это могут быть новые типы вирусов внутри системных процессов. Разве нет?

– В целом да, – кивнула я, снова несколько ошеломленная тем, сколь точно она понимает суть проблемы. – Теоретически такое возможно. Но тогда речь идет не о каком-то типичном вирусе.

– Разве я дала вам как-то понять, что речь идет о типичном вирусе? Считаете, я бы не справилась самостоятельно с обычным вирусом? Если так – я приношу свои извинения.

– Нет-нет, я просто... не так вас поняла, – тут же сдала назад я. Оксана Павловна встала из-за стола, подошла к своему большому, идеально чистому окну и посмотрела на Москву. Что ее беспокоит? Что она не решается мне сказать?

– Или, к примеру, экран, – обернулась она. – Он тут как-то вспыхивал несколько раз, причем сам собой. Всегда – по ночам. Сегодня ночью я проснулась, а он горит. Как будто кто-то его включил и наблюдает за мной. Не то чтобы меня это беспокоило. Но если кто-то настолько спятил, чтобы

установить специфический вирус, я бы хотела это знать. Всегда лучше быть в курсе, что происходит вокруг тебя, правда?

– Конечно, – согласилась я, и Королева кивнула.

Она говорила о том, что кто-то может следить за ней лично, персонально, так, словно это было абсолютно возможным и – главное – словно это было не так уж и страшно. Подумаешь, маньяк! Просто нужно предпринять ряд соответствующих действий. Вот это самообладание.

– Знаете, сейчас ведь все компьютеры могут работать как точки видео- или аудионаблюдения. И отключить их практически невозможно. Я бы не хотела, чтобы за мной кто-то наблюдал.

– Это понятно. – Я потянулась, чтобы запустить на ноутбуке проверку на вирусы, хоть мне и было сказано, что их там нет. Перепроверяй, не доверяй. Но Черная Королева протянула руку, забрала у меня ноутбук, закрыла его крышку, затем положила ноутбук в сумку и вызвала свою секретаршу.

– Будьте добры, выпишите пропуск на вынос с территории на Ромашину, а сам ноутбук положите к ней на стол, – приказала она. Секретарь унесла ноутбук, а Оксана Павловна повернулась ко мне.

– Или, если уж кто-то решил за мной наблюдать, я бы хотела знать об этом. Знание – это преимущество. Теперь вы понимаете, почему я не хотела бы посвящать других людей в мои планы, – сказала она, заставив меня искренне удивиться. Вот они – Высшая Школа Экономики, три языка, англий-

ский, итальянский и французский, диплом МВА, сертификаты из каких-то загадочных мест Европы. Результат? Полнейшая паранойя и недоверие к людям. Кошки-мышки с какими-то призрачными тенями. Подумаешь, экран загорался. Это ничего не значит. Но мания преследования, видимо, приходит вместе с зарплатами топ-менеджмента.

– Все проверю, я вас поняла, Оксана Павловна, – пообещала я.

– Секундочку! – Черная Королева схватила со стола сумку, где беззвучно вибрировал ее телефон. Волна отражалась в стеклянную столешницу, и вибрация ощущалась даже на моей стороне, под пальцами. Ни за что бы я никогда не стала заводить стеклянный стол. Все какое-то ненадежное, и опять же ноги. А пятна? А если пролить что-то?

Оксана Павловна несколько секунд смотрела на экран, затем – зачем-то – на меня. Потом она в нерешительности повертела вибрирующий телефон в руках, но все же взяла трубку.

– Метлицкая у телефона, – коротко бросила она. – Нет, Кирилл, я не пойду обедать. Не хочу, не голодна. Не в этом дело. Куда? Кто приедет? У меня тоже будет встреча, я не смогу, да. И именно в это время. У меня тут завал. Разбейтесь уж в Смоленске без меня. Я понимаю, что все организуемо. Нет, я правда понимаю. Это все равно лежит за пределами моих полномочий. Кирилл... – И моя начальница

скользнула по мне взглядом.

– Может быть, мне выйти? – тихо спросила я, отчего-то испытывая неудобство, хотя я не напрашивалась к Оксане Павловне в кабинет и подслушивать ее деловые разговоры не имела никаких намерений. Я, как говорится, сижу, никого не трогаю, примус починая. Примус признаков катаклизмов не проявлял.

– Нет-нет, я уже заканчиваю, – пробормотала Оксана Павловна. – Нет, Кирилл, это я не тебе. У меня тут специалисты, я... меня ждут, нужно идти. Да, завтра совещание, я помню.

Могу поклясться, что этот Кирилл так бесил и раздражал мою начальницу, что, хотя она и выдерживала ровный рабочий тон, еле сдерживалась, чтобы не послать этого Кирилла куда подальше. Когда Оксана Павловна закончила разговор, она та-ак выразительно закатила глаза...

– Я могу идти? – ответила я.

– Скажите, вы же знаете Игоря Вячеславовича Апреля? – спросила вдруг Черная Королева, поставив меня в тупик. Я знала его, еще бы. Я ведь жила с ним. Любила его. У нас с ним были Отношения. Вопрос: Черная Королева в курсе этого или нет?

– Ну... это наш штатный психолог, – осторожно ответила я, надеясь выяснить этот вопрос каким-нибудь незаметным образом.

– Я знаю, видела, что вас к нему направляли на консульта-

цию. Он же вам снотворное прописывал, не помните? – добавила Оксана Павловна, глядя на меня совершенно невинным взглядом. Ничто – НИЧТО – не выдавало в ней знания о моем личном отношении к нашему штатному психологу. Может быть, она издевается? Вполне, вполне. Не исключено.

– Я не уверена на самом деле, – пробормотала я.

– Но вы же ходили к нему? Это такой высокий мужчина, внешне скорее приятный, с зелеными глазами. Он был на совещании, перед тем как началось массовое отравление, – настойчиво перечисляла Королева. Я испытывала острый когнитивный диссонанс, буквально не знала, что мне делать. Я вдруг подумала – вот он, личный фактор, вот то, что было персональным. Этот вызов «скорой компьютерной помощи» был только предлогом. Королеву интересует мой Апрель. Почему? Зачем? И какого черта она знает, какого цвета у него глаза! Меня неприятно резанула мысль о том, как здорово они бы смотрелись вместе – два высоких красивых человека с невозмутимыми уверенными движениями, со спокойными выражениями лиц. И какие бы красивые у них получились дети. Чур меня, чур.

– Я ходила к нему несколько раз, да, – подтвердила я. Королева кивнула и прикусила губу, явно испытывая какие-то неведомые мне сомнения. Удивительно, насколько она иногда бывает похожа на человека, прямо как настоящая. Но стоит ей пристально посмотреть на меня своими большими темными глазами, как ощущение реальности теряется. Ки-

борг. Она – киборг. Не стоит пытаться увидеть в ней равного себе или, не дай бог, женщину. Интересно, как она питается? Нашими белками-аминокислотами, или у нее какие-нибудь солнечные батареи? С другой стороны, ну откуда у нас в Москве достаточно солнца? Господи, о чем я думаю? Зачем ей понадобился мой Апрель?

– И как он вам? – спросила наконец она. Я растерялась. Как он мне в каком смысле? В постели? Нет, она не может спрашивать меня о таком. А о чем тогда? Я покраснела и сглотнула слюну, мне страстно захотелось, чтобы кто-то прямо сейчас меня вызвал, позвонил бы мне. Разговор становился все менее и менее приятным.

– Как он мне, как он мне...

– Как он вам как специалист? Я знаю, что он отлично проводит бизнес-тренинги, но меня интересует, как он в более личных вопросах. Он же с вами работал по вашим личным проблемам?

– У меня нет проблем, – выпалила я.

– Я не об этом. Фаина Павловна, просто отвечайте на вопросы, и ничего вам не будет, – снова нахмурилась Королева. Я тоже нахмурилась и уставилась в столешницу, на ноги, пытаясь защититься от этого допроса. – Фаина Павловна? Какие-то проблемы? Если у вас есть что сказать про нашего психолога, скажите. Я просто интересуюсь вашим мнением. Это не выйдет за пределы моего кабинета, понимаете? Мне нужна эта информация, чтобы принять взвешенное ре-

шение.

Час от часу не легче. Взвешенные решения – точно не моя сфера.

– Даже не знаю. – Я тянула время, как только можно, но дальше оно не растягивалось. Мне тоже нужно было принять решение, и уж точно не взвешенное. Нужно было сказать, что из всех известных мне психологов – а уж я повидала их, начиная с сестры, заканчивая ее окружением – Игорь Вячеславович Апрель был лучшим, если вообще не единственным, кто хоть минимально понимал, чем он занимается и что за всем этим стоит. Я не любила психологов, не любила, когда емким словом «наука» назывались вещи, в своей приближенности похожие на гадание по звездам. Но Игорь Апрель был прекрасным специалистом. И потрясающим мужчиной. Таким, на которых я обычно даже не смотрела. Не моего поля ягода.

– У вас сейчас крайне противоречивое выражение лица, – покачала головой Оксана Павловна. – Что именно вас смущает? Можете не рассказывать мне о своих проблемах, только ваша рекомендация, ничего больше я не прошу. Неужели это так сложно?

– Мне... кажется, он не слишком хороший специалист, – ложь застревала у меня на зубах, как прилипшая ириска, и мне хотелось плевать и мыть рот.

– Он вам не помог?

– Ну... в принципе... нет, не то чтобы совсем не помог. – Я выкручивалась, как грешник на сковородке.

– Но вы от него ушли, – неожиданно ошарашила меня Оксана Павловна.

– Я? Нет. Почему? – невольно вырвалось у меня еще до того, как я поняла, что имелось в виду.

– Вы ведь ушли от него, не так ли? – сощурилась Оксана Павловна. Не дай бог я от него уйду, чур меня, чур. Да и меня мама убьет! Или... или сестра. Или Машка. Или я сама убьюсь. Я кивнула и облизнула пересохшие губы. – Вы ведь перестали ходить на его сеансы?

– Ах, вы об этом? Ну да, я перестала ходить на его сеансы. Они были неэффективны. – Я немного втянулась, и ложь во спасение личной жизни стала даваться мне легче. – Вся эта психология, я вам скажу, полная ерунда. Хотя... иногда помогает, конечно. Эффект плацебо, наверное. У меня вот сестра, тоже психолог. Так она лучше все эти проблемы разруливает. Которые в голове. Апрель – он по бизнесу больше.

– Да? – недоверчиво уточнила Королева, с трудом выбираясь из горы слов, которой я ее завалила, как снежной лавиной. Я видела сомнение в ее глазах, понимала, что ее не устроил мой ответ. Что я буду делать, если ей понравится мой бойфренд? С другой стороны, зачем она интересуется? Вряд ли ей самой нужна помощь. Тогда кому? Да черт ее знает. У нее же не имидж, а китайская стена, ничего не раз-

берешь. Я вздохнула. Но что бы там ни было, если она станет с ним контактировать, он будет ей улыбаться, если мой Апрель будет ей улыбаться, он ей понравится. Он и сейчас уже кажется ей «скорее приятным» внешне. Если Черная Королева решит, что ей нужен мой Апрель, мне останется только плакать и пить водку с моей беременной сестрой. Или с ее мужем. Какие у меня могут быть шансы в войне против ки-боргов? Она щелкнет пальцами, и Апрель побежит за ней. Он и еще десяток мужчин, которые просто будут проходить мимо.

– Вы правильно поняли, Игорь Вячеславович в основном занимается мотивацией и проблемами личностного роста. А личные вопросы – это не его конек, понимаете? – Я доверительно склонила голову и снова кивнула. Господи, кого я пытаюсь убедить. – Думаю, он вообще не считает личные отношения чем-то серьезным. Мне кажется, он только рад был, когда избавился от меня. Я имею в виду как специалист. Это не его любимое поле деятельности – слушать о личных проблемах.

– Я вас услышала, – кивнула мне моя начальница, перебивая меня. – Спасибо, Ромашина. Да уж. Я почему-то ожидала другой рекомендации. Но все равно спасибо. Значит, вы займетесь моим компьютером?

– Конечно, я проведу еще несколько тестов, посмотрю историю, реестры, все такое, – радостно отрапортовала я, пользуясь тем, что об Апреле можно больше не говорить.

– Ах да, я еще вспомнила, – заметила Королева, когда я уже собиралась уходить. – Батарея. Если отключить ноутбук от питания, он слишком быстро разряжается.

– Это очень даже странно, ведь он почти новый. У такой машины батарея должна держать заряд долго. Может быть, заводской брак?

– Не знаю. Может быть что угодно. Вот вы и выясните, Фаина Павловна, что это значит.

– Да, такого точно быть не должно, – запустила ладони в волосы я. – Теоретически вполне возможно, что заряд батареи «уходит» из-за вирусной активности.

– Что ж, спасибо вам. Вы свободны, – добавила она, с чисто королевской грацией махнув рукой в сторону двери.

И Черная Королева проводила меня до дверей. Я шла по отделу и пропитывалась горечью от собственного ничтожества. Итак, коварная Ромашка добилась своего. Опорочила честного человека и отмазалась от основной работы на остаток рабочего дня. Идеально. Случайно. Удачно. Редкая последовательность слов для меня.

* * *

Проверка ноутбука и его батареи неожиданно заняла куда больше времени, чем изначально планировалось. Было что-то там, в ноутбуке, что мне решительно не нравилось, и я си-

дела – ковырялась с ним, пока наконец не решила, что нужно все-таки кое-что уточнить. Конечно, делать этого мне совсем не хотелось. Да, у каждого из нас имелся мобильный номер Оксаны Павловны, но и в страшном сне невозможно представить, чтобы я по доброй воле ей позвонила. Но вот я набираю номер.

– Метлицкая у телефона, чем могу помочь? – услышала я. Сказано это было весьма недружелюбным тоном, что разительно контрастировало с текстом вопроса.

– Я... э-э-э... у меня есть кое-какие вопросы. Вам сейчас удобно говорить? – проямлила я.

– Вы кто, простите? – еще жестче спросила Королева.

– Я – Фая. Я же вашу машинку лечу. Мы же договорились быть на связи, – пробормотала я растерянно.

– Уже совсем вечер, вы что, еще на работе? Что ж так долго, вы его по байтам разбирали, что ли? – язвительно хмыкнула начальница.

– Практически. И даже не закончила, – ответила я. – Мне не нравится ваша загрузочная секция. Я не могу сказать точно, что именно не так, но определенно там есть следы некорректных входов. У вас никто не пытался выяснить номера кредитных карт или пароли к онлайн-банкам? Не было никаких попыток взлома, блокировок карт?

– Надо же, а я все-таки надеялась, что мне показалось, – ответила Оксана Павловна. – Антивирусники же ничего не показали.

– Кхе. – Я закашлялась, не зная, как реагировать на этот откровенный подкол. Ну да, я спросила ее про антивирусники. Чувствую, теперь мне это будет припоминаться вечно. – Так что насчет карт? – переспросила я. Деньги – это ведь серьезно. Сегодняшний мир – интерактивный, и мы живем в нем, как в тессеракте, существуя одновременно и тут и там. Случись что с нашим виртуальным, и страдала старая добрая офлайн-реальность.

– Я не могу сказать точно. Вроде бы карты не блокировали, но у меня в системе есть автоматически сохраненные пароли.

– Автоматические пароли? Господи, ведь каждый школьник знает, что автоматически сохраненные пароли – это прямая дорога в ад, – всплеснула руками я. – Это же практически то же самое, как самой отдать деньги мошенникам по доброй воле. Я все понимаю, удобно, запоминать ничего не надо. Так ведь не только вам удобно. Хакерам тоже.

– Я уловила вашу мысль, – сухо одернула меня Оксана Павловна. Я вынырнула из виртуальности. «Субординация, Фая, соблюдай субординацию, если не хочешь проблем». Это твой босс. Она может тебя уволить. Хуже того, если ты будешь плохо себя вести, она может увести твоего Апреля.

– Простите, я не хотела ничего такого говорить. Меня лучше вообще не слушать. У меня язык такой – мелет что ни попадя. Моя сестра постоянно говорит, что я не чувствую никаких границ, что я – социопат. Социопаты – это такие люди,

которые крайне плохо адаптируются в социальных группах. От слова «патология». В общем, с людьми я общаюсь гораздо хуже, чем с машинами...

– Фаина! – одернула меня Королева. – Скажите, вы по-прежнему считаете, что все это – ерунда? Или все же кто-то мог наблюдать за мной? Допустим, некто преследует меня...

– С какой целью?

– Какая разница? – возмутилась Оксана Павловна.

– Важно для установления круга подозреваемых. К примеру, деньги. Это одно. Или кому-то что-то нужно от вас, связанное с вашей работой. Я не знаю, документы какие-нибудь, пароли. Или просто узнать про какие-то ваши письма.

– Или личный фактор, – добавила Оксана Павловна. – Кто-то делает это, испытывая ко мне чувства, лишённые взаимности. Может этот некто внедрить вирус в мой компьютер, чтобы подглядывать за мной?

– С чего такие идеи? Хотя...

– Допустим, я даже примерно предполагаю, кто это может быть. Допустим, этот кто-то уже пытался каждый день встречать меня у дома. Допустим, этот кто-то фотографировал меня постоянно. Допустим, он сделал коллаж из моих фотографий и разместил его в качестве обоев рабочего стола.

– Ну и предположения у вас, Оксана Павловна. Прямо сталкер какой-то. Может, вам с этим сразу в полицию идти? Если вы знаете такого «некто», это ж кошмар. Брр!

– Нет, полиции не нужно. Скажите, как технически он мог это осуществить?

– Как сказать, – пожалала плечами я. – Если у этого вашего маньяка был доступ к вашему компьютеру, то проверить такое было бы довольно легко. Если же он...

– *Fils de pute*²! – выругалась она. То есть слов ее я не поняла, но по интонации суть была ясна – это ругательство. И я, хотя не знала точного значения и даже языка, на котором выругалась моя начальница, прекрасно поняла, что доступ к ее компьютеру у ее сталкера был. Установить вирус, чтобы подглядывать за Оксаной Павловной? Не знаю. Это уж чересчур. С другой стороны, мужчины способны сходить с ума от желания обладать женщиной. Это бывает, верно? Не со мной и даже не с моей сестрой. Ее мужчина сходил с ума только от необходимости выбрать между бывшей женой и будущей. И вообще, наши мужчины в целом слишком избалованы вниманием и покорной доступностью большинства женщин, но ведь Черная Королева живет в каком-то другом, неизвестном мне мире. Она плывет по жизни, переступая через грязь этого мира ножками, обутыми в туфли на запредельно высокой шпильке, и при этом у нее не болит спина. Может быть, у нее мания преследования? Она слишком спокойно говорит о вирусе в ее компьютере, для человека с манией. Значит, влюбленный сталкер. Звучит странно, но никогда не говори «никогда», если речь идет о сбрендивших на почве любви

² Сукин сын (*фр.*).

людях.

Да, да, да, главное – чтобы не моего Апреля.

– Вирус мог быть установлен при физическом контакте, если была такая возможность, – продолжила я. – Однако я не нашла прямых следов такого взлома. На практике скрыть такое довольно сложно, и к тому же нет никаких гарантий, что вы оставите компьютер включенным и что-то интересное будет видно. В конце концов, вы же не ходите, я извиняюсь, в душ с вашим ноутбуком.

– Ладно, ладно, идею я поняла. Только вот я думаю... – Черная Королева тянула, говорила с нерешительностью человека, не знающего, насколько он может открыться. Я подумала – замолчи, пожалуйста. Не нужно мне ничего открывать, я не хочу твоих секретов. Не умею их хранить. Обязательно все разболтаю. – Я уверена, что этому человеку все равно, на что смотреть. Ему нужно знать, где я в какой-то конкретный момент времени. Ему необходимо за мной следить. Он хотел бы, наверное, вставить мне в голову какой-нибудь датчик, чтобы видеть мир моими глазами. Впрочем, ладно. Вам это не нужно, Ромашина. Я просто... ладно, а как убрать этот вирус? Как вообще с гарантией избавиться от того, что мы не можем найти?

– Я нашла следы какого-то системного сбоя. Пока что это все. Я скажу больше, когда еще поработаю.

– Вот интересно, стоит мне встретиться с вами, Ромашина, как я остаюсь без ноутбука, – заметила Оксана Павловна с интересом, но еще раньше, чем я перешла в оборону, она рассмеялась. Я выдохнула. По крайней мере Черная Королева не стала раскрывать мне всех карт, и я не должна знать имен, погружаться в хитросплетения придворных игр.

Я могу пойти домой.

Я вылезла из своего кресла – спина болела, тянуло где-то в шее, все затекло. Черт, ведь клялась же себе, что буду вставать и раз в час делать какую-никакую зарядку. Но вот сижу, пью кофе, когда уже нужно идти спать, занимаюсь вопросами, от которых мне лично никакой пользы, в то время как вся основная моя работа стоит. И какое-то неприятное чувство, которое вот уже несколько часов я пытаюсь игнорировать.

На пути к себе всегда есть риск встретиться с самой собой.

Только уже стоя в лифте, я вдруг подумала: «Гхм, Ромашка, да ведь ты до чертиков боишься его потерять. Остаться без своего Апреля».

Это было важно, это было – как открыть Америку, случайно проплывая мимо. Доходит с опозданием. Когда име-

ешь дело с самой собой, гораздо сложнее отличить правду от лжи. Великая сила самообмана позволяет представлять любую ерунду. Мы все делаем так, но я – просто профи, когда речь идет о собственном заблуждении. Я могу любить кого-то и не знать об этом. Я могу ненавидеть и быть не в курсе. Я даже могу заболеть гриппом и как-то пропустить этот досадный факт за делами и делишками. Поэтому, когда мне удавалось столкнуться с самой собой на узком перекрестке, я старалась не упустить момент, вглядывалась в свои смазанные, расплывчатые черты, пытаюсь запомнить и понять.

Я боюсь потерять моего Апреля.

Улица была наполнена звуками и запахами, в ней странным образом перемешались ароматы свежескошенной травы с газонов и неприятная вонь от горячих автомобилей. Эти запахи были такими несовместимыми, из разных вселенных, и, ощущая оба одновременно, я буквально чувствовала, как где-то в отдаленных уголках бесконечного космоса пересекаются две параллельные прямые. Игорь уже стоял около своего вишневого «Опеля», ждал меня. Я замедлилась, скрываясь в тени деревьев, хотела просто на него посмотреть. Апрель был задумчив, он смотрел куда-то вдаль, но на самом деле был глубоко внутри собственных мыслей. Руки его были в карманах, он опирался спиной на вишневый кузов машины. Устал? Злится на меня? Думает о клиентах?

Как бы там ни было, Апрель был непростительно хорош летом. Загар делал его моложе, немного похожим на светского денди, болтающегося на пляже Санта-Моники «просто так, от нечего делать». В чуть примятых светло-бежевых брюках и песочного цвета летней рубашке с коротким рукавом он напоминал принца дома Ланнистеров. Даже его ореховые волосы летом стали светлее, превратились в почти пепельные, и они так чудесно оттеняют его кошачьи зеленые глаза. Я представила на секунду, что потеряю его, и мне стало трудно дышать.

– Как дела? – спросил он меня, заметив, что я стою неподалеку. – Забыла, кто я такой? Хочешь, могу паспорт показать. Или пропуск.

– Я не узнаю вас в гриме, – отшутилась я, делая шаг вперед. Мое лицо выдавало волнение, я тяжело дышала, пытаюсь скрыть сердцебиение. Лицо моего Апреля было усталым, но спокойным, а в его глазах плясали смешинки. – Вот почему ты такой вечно уравновешенный? – спросила я «с наездом».

– Ну, прости, дорогая. Я нечаянно, – развел руками он. И затем поцеловал меня. Дышать стало легче.

Ты не потеряешь его прямо сегодня вечером.

– Как прошел твой день? – спросил Игорь, открывая мне дверцу машины. Все эти стандартные мужские «галантности» – пододвинуть стул в ресторане, накинуть пиджак по-

верх моих плеч, усадить меня в машину – выходили у Игоря так легко, без раздумий и неуклюжестей. Я же принимала их с ровно противоположной реакцией. Я плюхалась на стул, не дождавшись его помощи, проскакивала в двери, открывая их ногами, если в руках были сумки-пакеты. Я не привыкла к такому обращению, хоть и не страдала от недостатка мужского внимания. Забавно, что большую часть жизни я как раз провела среди мужчин. Технический институт был ядовитой средой для девушек, и выживали там только сильнейшие. В конечном итоге к нам начинали относиться как к братьям или, правильнее, сестрам по разуму. Нам не открывали двери, у нас одалживали денег до стипендии. Мы были – свои в доску, и мне всегда нравилось такое положение вещей. С Игорем Вячеславовичем Апрелем я невольно была вынуждена ощущать себя куда более женщиной, чем привыкла. Усаживаясь в машину, я подумала, насколько гармоничнее на моем месте смотрелась бы начальница.

Ненавижу.

– Ты решила со мной не разговаривать сегодня? – спросил Игорь, разглядывая меня с водительского места своим фирменным «Малдеровским» взглядом с прищуром. – Причина или следствие? Как там наш кот, жив или мертв?

– Котик жив, нагадил в эту твою коробку Шрёдингера, – это было нашим с ним паролем, кодом, расшифровать кото-

рый могли только те, у кого были ключи. Еще когда мы только познакомились с моим Апрелем, я от скуки и от усталости принялась рассказывать ему о мысленном эксперименте с котом в коробке и о том, как практически все в нашем мире может быть «прочитано» так же, как и пресловутый Шрёдингеровский кот. Мы стали использовать этого кота как символ задолго до того, как он стал интернет-мэмом. Кот, который одновременно и жив и мертв, а также жив-мертв или мертв-жив. Квантовые запутанности в рамках отдельно взятых отношений.

– Нагадил? – расхохотался Игорь. Я пожала плечами.

– Как думаешь, может, мне стоит начать носить шпильки? – спросила я. Игорь некоторое время молча разглядывал меня, словно пытаюсь разгадать, как sudoku. Затем кивнул.

– Ну, конечно, стоит.

– Да? – нахмурилась я. – Думаешь, без каблучков никак? Конечно, походка была бы куда лучше.

– Еще бы, ведь походка – это именно то, что делает женщину женщиной, верно? – хихикнул он. Я разозлилась.

– Если так, я завтра же куплю шпильки на десять сантиметров.

– Купи, купи. Здоровая спина – это же никому не нужно в наши дни. Купи сразу двадцатисантиметровые. Нет, лучше ходули. Купи ходули. Так, если что, ты сможешь подрабатывать клоуном. Ударим ходулями по безденежью.

– Я просто думаю, может быть, нужно уже начать одевать-

ся модно?

– Если тебя накрыл приступ неуверенности в себе, никакие шпильки не помогут. Что случилось? – спросил он тоном, призывающим к примирению. Эх, наивный чтец человеческих душ, все-то ты видишь, но того, что я оговорила тебя, чтобы не рисковать, не узнаешь. Красивая женщина – это оружие, против которого я могу разве что выйти с рогаткой. Да и то буду стрелять мимо.

– Ничего не случилось.

– Просто это бросается в глаза. Еще один «очень хороший» день.

– Хочешь об этом поговорить? – поддела его я. Игорь расхохотался, а я фыркнула и наклонилась вперед, принимаясь за кнопки радиоприемника. Я перестраивала и перестраивала радиостанцию в поисках приличной песни, но все было какое-то не такое. То что-то ужасное, то незнакомое, то вообще реклама.

– Что ты там ищешь? Звуки внеземных цивилизаций?

– Было бы неплохо. Куда лучше, чем вся эта бесконечная вереница новостроек. Вот скажи, почему вся наша реклама по радио – это реклама каких-то жилых комплексов? Куда столько жилья? У нас в стране кризис, разве нет? Что это – купите квартиру всего за четырнадцать миллионов? ВСЕ-ГО! Все, я уже собираюсь и бегу. Если бы было пятнадцать миллионов, я бы, конечно, подумала, но от такого горячего предложения просто не могу отказаться.

– Теперь тебе реклама не нравится, – улыбнулся Апрель. – Какая муха тебя укусила? Может, ты голодная? Давай заедем куда-нибудь? Или, если хочешь, я могу что-нибудь приготовить. Можем вообще сделать стейки, я в настроении.

– Не хочу слушать про то, как хорошо у них там в их новых квартирах.

– Ты явно не в настроении, – процедил он себе под нос.

– Я просто ищу нормальную музыку! – возмутилась я. Почему бы мне не заткнуться? Почему я продолжаю говорить?

– А мне нравится реклама. По ней можно понять, что происходит в мире. И то, что меняется в нем. Я, между прочим, и сам нашел себе квартиру вот по такой же рекламе. А ты бы лучше рассказала мне, что произошло на работе, что ты такая взвинченная. Опять ваша Новая Метла?

– Нет! – воскликнула я куда быстрее, чем надо. – С чего ты взял? Я ничего не говорила тебе о ней. И потом... подожди, как это – ты нашел квартиру? Еще ни разу я не слышала рекламы по радио, чтобы говорили о квартирах в аренду.

– О чем ты? – фыркнул Апрель. – При чем тут аренда?

– О чем я? Нет, это о чем ты?!

– Я о квартире. Э-э-э, я разве не говорил тебе? – пробормотал он, задумчиво поморщив лоб. – Вроде же мы говорили.

– Ничего такого мы не обсуждали.

– Я вроде бы говорил тебе, что эта квартира в аренду – это временное решение. – Разве нет?

– Квартиры в аренду, Игорь Вячеславович, – это – на секундочку – всегда временное решение. Так ведь? Так о чем ты мне забыл сказать? Что ты решил прикупить себе квартиру по случаю? Раз уж они – только сегодня – всего за четырнадцать миллионов. – И я сухо рассмеялась, показывая, какая абсурдная сама эта идея.

– Нет, не собираюсь.

– Ну, конечно.

– Я уже купил, – добавил он, невозмутимо продолжая крутить руль, вписываясь в мягкий поворот дороги. Я сидела и хлопала глазами. И немного ртом. Выстрелил, убил наповал, стоит рядом и смотрит, как дымок вылетает из горячего ствола пистолета. Квартира? Купил? Что?

– Скажи что-нибудь, – попросил он, ибо молчала я довольно долго.

– Что-нибудь, – пробормотала я после долгой паузы. – Что-нибудь.

– Не знаю, как так вышло, что я тебе не сказал. Я собирался.

– Это хорошо, что собирался. Хотя, с другой стороны, ты и не обязан. Почему ты должен был мне сказать в самом деле? Это же твоя квартира!

– Ты считаешь, не обязан? Не думаешь, это было бы странно, когда в один прекрасный день я бы переехал? А ты бы пришла домой, а меня там нет. А мы как бы живем вместе, – продолжал вещать он.

– А мы как бы живем вместе, – эхом повторила за ним я. – Как бы живем.

– Послушай, не нужно делать из мухи слона. Ты же все равно узнала, разве не так?

– Мне просто интересно, неужели такие вещи не следует обсуждать? Это же не колбаса, купил – не понравилось, пошел, купил другую. Это же квартира! Разве не целесообразно уточнить мнение человека, с которым ты как бы живешь вместе? – Я поставила ударение на словах «как бы». – Может быть, я бы хотела выбрать жилой комплекс. Какие-нибудь «ручьи» или там «ключи». Или «родные просторы». Или «поселок олигархов». Или «лунную сонату».

Или...

– Я понял, понял. Если бы я был директором такой фирмы, я бы ни за что не доверил тебе выбирать название для комплекса.

– А почему? Вполне красиво, по-моему. «Млечный путь». Жилой комплекс «Цемент и бетон». «Голубая лагуна». «Седьмое небо». «Последний приют».

– Вот тут бы я точно поселился. Последний приют. Так, вылезай, приехали. – И мой Малдер резко затормозил. В первую минуту я подумала, что он просто решил меня высадить. Устал от моей истерики и решил, что все, с него хватит. Выметайся, Ромашка.

– Что это? Куда это ты меня привез? – Я хмуро рассматривала металлический забор и бетонные клетки растущего

ввысь дома. Бетонный остов стоял, просвечивая невыстроенными стенами. Скелет будущего жилища. Желтые цапли-краны клевали носом их недостроенные верхушки. Где-то неподалеку что-то ощутимо грохотало. Стройка.

– Вопрос, поражающий своей оригинальностью. Гхм, где же это мы? Не театр, не цирк, не утренник у твоего племянника Вовки.

– И даже не твоя скучная, безликая арендованная квартира, которую ты все это время называл домом, – подстроилась под его интонацию я. Игорь ошарашенно замолчал.

– Моя квартира – скучная и безликая?

– Если хочешь знать, да. Это было первое, что я подумала, когда попала туда. Надо же, какая причесанная, отглаженная и застегнутая на все пуговицы квартира. В такой страшно чай пролить. Ничего живого, кроме твоего мертвого дерева жизни.

– Оно не мое, досталось от хозяев вместе с обстановкой. Значит, я причесанный, прилизанный и разглаженный. Так, по-твоему?

– Получается, да, – кивнула я, глядя на забор, около которого мы остановились. – А это, значит, квартира, которую ты купил, не посоветовавшись со мной. Мне кажется, или тут чего-то не хватает? Гхм, стен, например?

– Это, ваше высочество, квартира, которую я купил еще год назад, переехав в Москву из Владивостока. Хотя, конечно, если бы я знал, что встречу тебя, я бы ни в коем случае

не стал этого делать.

– Переезжать? – испугалась я.

– Покупать квартиру! – успокоил он меня. И улыбнулся. – По крайней мере не до того, как получил бы ваше полное письменное одобрение, мэм. Думаете, вы бы одобрили эту квартиру без стен? К слову, стены обещают пристроить к концу года. Правда, зная статистику, уверен, что это событие задержат как минимум на год.

– Ничего себе. На год?

– Или на два. Но я не спешу. В смысле, мы не спешим, верно?

– Куда не спешим? – спросила я, глядя на этого красивого мужчину по-новому. Игорь замолчал, словно пытался решить, говорить мне что-то или нет, повременить еще. О чем он думает? Почему не рассказал мне о квартире – ни раньше, когда мы встречались, ни потом, когда я уже как бы переехала к нему и все мои вещи переехали со мной.

Воистину все мы – незнакомцы. Что я знаю о человеке, с которым живу и который снится мне по ночам? О человеке, которого я так боюсь потерять? Он красив. Приехал из Владивостока. Когда-то любил женщину по имени Анна, а она в один день взяла и бросила его, не объясняя причин. Он психолог. Хороший психолог. Иногда мне кажется, что он видит меня насквозь. Игорь зарабатывает, повышая личную мотивацию клиентов, он помогает людям двигаться к цели.

Но я ничего не знаю о его личных целях.

Он спокоен и невозмутим. Он жил со мной, встречал меня по вечерам с работы, смеялся и заказывал нам пищу с доставкой на дом, но ни словом не обмолвился о том, что у него такие грандиозные планы. У него куплена квартира в новостройке в Черемушках, он, наверное, покупал ее, чтобы завести семью. А я была – как раз вроде как та самая будущая семья. Почему Апрель не сказал мне? Чего ждал? Нет, он мне не врал. Скрывать что-то или врать – это разные вещи или одно и то же? Что еще он утаивает от меня? К примеру, если бы я покупала квартиру в Черемушках, я бы вряд ли смогла так долго молчать.

Он тебя проверял.

– Мне не нравится выражение этого лица, – пробормотал Игорь, глядя на меня. Мысль была так горяча, что обожгла и немедленно оставила след от ожога. Я часто дышала и смотрела на него как баран на новые ворота. Он меня проверял. Решал, подхожу ему или нет?

– А само лицо? Как тебе само мое лицо? – спросила я, наконец обретая дар речи. Голос был тихим, от обычного его осталось процентов десять.

– Само лицо очень даже нравится. Но вот мысли, которые

бродят сейчас в этой умной голове, нет. Я боюсь, ты снова будешь придавать вещам большее значение, чем они того стоят. Посмотри на меня, Фая. Ты сегодня сама не своя. Что-то произошло? – Его зеленые глаза искрились и излучали тепло. Когда Игорь был рядом, когда смотрел на меня так, я не хотела больше ничего, только бы все было как есть, и чтобы он был близко, еще ближе. Я знала все про то, что есть такие чувства. Игры природы, жесткая рука эволюции, бросающая нас друг к другу, привязывающая невидимыми канатами из гормонов, химии и магии. Это не имело никакого значения, потому что в данный момент это не было теорией или исследованием, это происходило со мной – здесь и сейчас. Знание – сила, но не в случае, когда *«тебя проверяли»*. Чего еще можно ждать от человека, который владеет таким самообладанием? Характер нордический, холодный. Что я могу ему сказать?

– Все в порядке, – пробормотала я. – Отличный выбор.

– Ты о чем?

– Как о чем? О квартире, конечно. Наверное, очень дорого. В таком-то месте. С таким-то забором! – Что-то неуправляемое зарождалось во мне, какой-то неуловимый протест.

– У меня хороший кредит, это было одним из условий, на которых я пришел на работу в нашу контору.

– Поразительно, как по-разному зарабатывают психологи, – заметила я, отчего-то недовольным тоном, происхождения которого даже сама не могла понять. Разве только мне

за сестру обидно? Моя беременная сестрица тоже консультировала людей, но доходов от этого ей едва хватало, чтобы сводить концы с концами. Все потому, что у нее нет всех этих крутых дипломов, медицинского образования, а главное, этой представительной внешности, которая сама по себе уже мотивирует на успех. Неудивительно, что крупные корпорации предпочитают...

– Знаешь, я не готов бесконечно извиняться за то, что купил квартиру, и за то, что зарабатываю хорошие деньги. Если ты считаешь, что это – повод для скандала, значит, тебе просто нужен скандал.

– Вовсе не нужен мне скандал, – возмутилась я. – С чего ты взял? Думаешь, видишь меня насквозь? Не следует всех людей стричь под одну гребенку. У меня нет никаких вопросов ни к тебе, ни к твоей зарплате, ни к этой чертовой квартире. – Последнее я сказала, одновременно пнув пустую пачку из-под сигарет, которую кто-то оставил на обочине.

– Ага. Никаких вопросов, значит, – сухо кивнул Игорь. – Тогда поехали домой. – И он развернулся от меня, быстро, по-деловому пошел к машине. Я стояла и смотрела на остов будущего дома, его уже почти полностью сформированный скелет. Мы будем здесь жить? Не знаю, не знаю. Мне бы до утра дотянуть.

Мы доехали до дома в молчании, и не в той комфортной тишине, которая бывает, когда два усталых человека просто

едут вместе домой, а в напряжении, обиженные друг на друга. Я понимала, что веду себя нелепо, по-детски придираюсь ко всякой ерунде, но мне не хотелось быть разумной. Я не знала, что влюбилась в мужчину, который умеет молчать так естественно и комфортно, что бог его знает, что еще ему удастся так же хорошо. Лгать? Манипулировать? Навязывать свое мнение? Я хмуро забилась в кресло около письменного стола у окна, достала королевский ноутбук. Нет лучшего способа отвлечься от непрошенных мыслей, чем погрузиться в работу. Стройные колонки данных загрузки действуют на меня, как сильнодействующее лекарство, и уже через десять минут я целиком в процессе. Сейчас моя задача – вручную перелопатить море реестровых файлов в самых разных местах и попытаться отловить нелогичные временные файлы, а также лишние файлы общих библиотек. Звучит, как простой геморрой, и на деле – жуть, тьма и кошмар. Работа как раз для девушек, пытающихся игнорировать своих мужчин за то, что те купили квартиры, а им не сказали.

– Ого! – услышала я из-за спины. – Ничего себе, теперь их двое?

– Что?

– Тебе, Ромашка, уже недостаточно одного ноутбука, ты работаешь сразу на двух? – Я рассеянно скользнула взглядом по столу. Да, картинка была забавной, не поспоришь. Два ноутбука стояли рядом, как два брата-близнеца. Та же рас-

цветка, одинаковый размер, дизайн один в один, что неудивительно, так как второй ноутбук покупался в качестве замены первому, залитому мною кофе (предположительно потому что на самом деле его залила кофе вовсе не я). То, что обе машины сразу оказались на моем (вернее, апрелевском) письменном столе, было чистой случайностью.

– Настоящие профессионалы, они как Юлий Цезарь, им нужно решать несколько вопросов сразу. Мне бы еще дополнительную пару рук, – ответила я. – Я была бы как Будда Гаутама.

– Между прочим, к слову о нескольких задачах сразу. Ученые исследовали этот вопрос и выяснили, что на самом деле человек не решает несколько задач сразу. В лучшем случае его мозг очень быстро переключается между двумя вопросами, туда-обратно.

– А в худшем случае? – любопытствовала я.

– В худшем он переключается медленно и теряет по дороге данные. И хотя исследования показали, что способность к переключению можно улучшить тренировками, в целом multitasking – неэффективная практика, особенно когда речь идет о работе со сложными научными или творческими задачами. Последовательное выполнение куда более эффективно.

– Это ты мне сейчас кусок со своего тренинга провел? – хмыкнула я. – Имей в виду, «Муравейник» тебе это не оплатит. «Муравейник» не считает, что меня нужно дополни-

тельно мотивировать. И стремление к успеху во мне развивать не нужно, а то, не дай бог, я пойму, какой изматывающей, скучной и однообразной работой занимаюсь.

– Так бросай, – легко предложил Игорь. Я вытаращилась на него в ужасе. Что ж такое? Сегодня он показал мне квартиру и предложил бросить работу, а завтра предложит рожать и сидеть дома? Я – жена? Я – мать? Я – паникую!

– Файка, бросай свои ноутбуки и иди ко мне! – расхохотался Игорь. – Я имел в виду только сегодняшний вечер, но всегда хорошо знать, что думает твоя любимая женщина о возможных перспективах.

– Любимая женщина? – переспросила я. Игорь горько кивнул и развел руками. Теплая волна счастья накатила, смывая раздражение, усталость и страх. Игорь подошел ко мне, взялся за спинку компьютерного кресла на колесиках и покатил меня по комнате. Молча, без разговоров и с серьезным лицом он доставил меня до кровати, где буквально вытряхнул из кресла на матрас. Я смеялась, визжала и выворачивалась, пытаюсь (делая вид) вернуться в работу, но Игорь не дал мне выбраться из его рук. Что ж, не очень-то и хотелось. Он уснул поздно, усталый и продолжая меня обнимать. Я ничего не могла поделать, глупая улыбка, я никак не могла убрать ее с лица. Просто лежала, смотрела какой-то документальный фильм о генетических исследованиях и пыталась убедить себя больше никогда, никогда не думать об этой дурацкой квартире. Ну, купил. Молодец. Разве не глупо?

по в самом деле спорить, когда мужчина покупает квартиру. Какие могут быть вопросы?

*Вопросы у меня были, но я – умница дочка – смогла за-
тихнуть их так далеко в своем подсознании, что снаружи
их не было видно.*

А потом, в двенадцать тридцать, экран ноутбука Черной Королевы неожиданно вспыхнул холодным светом. Я поднялась, хотела было подойти к нему, посмотреть, какой процесс, какая команда активировала компьютер, когда вдруг очень остро осознала, что стою посреди комнаты совершенно голая и кто-то, возможно, смотрит на меня прямо сейчас через видеокамеру на крышке машины. Смотрит и рыдает от того, насколько не Черная я Королева. Сплошное разочарование для усталого сталкера. Кто бы это мог быть, интересно. Какой-нибудь старый любовник? Или молодой коллега? Может быть, это был тот самый настойчивый, навязчивый Кирилл, что постоянно звонил Оксане Павловне. Кто бы там ни был по ту сторону экрана, я не желала, чтобы какой-нибудь извращенец видел меня голой. Еще не хватало!

* * *

Итак, все было очень плохо – на сей раз вполне официально. С компьютером моей начальницы определенно происхо-

дила какая-то неведомая муть, а я так и не смогла установить, что именно там творится, в дебрях мегабайтов. А ведь Черная Королева в меня верила, и теперь мне предстоит развести руками, предложить ей переустановить операционную систему полностью – в очередной раз – и надеяться, что тот, кто пролез в ее компьютер однажды, не сможет это повторить. Вряд ли все это пойдет на пользу моей карьере.

В таком случае как же хорошо, что мне на карьеру наплевать.

– Что ты имеешь в виду? – удивленно переспросила меня Машка, заполняя пространство вокруг меня ароматным паром. На сей раз вишня, аромат, крайне неидентичный натуральному. Брр, гадость.

– Я имею в виду, что я тупая, как... как человек, который не может толком придумать аналогию для слова «тупая». Я просидела за ноутбуком Королевы вчера весь день, сегодня всю ночь до утра. Ну, почти всю ночь, с некоторыми перерывами.

– Ага, – ухмыльнулась Маша. – С перерывами. Я так понимаю, не курить ты выбегала, ты ж некурящая. Значит, тебе наплевать на карьеру. С каких это пор?

– Да я всегда была довольно-таки равнодушна... – начала было я, но Машка так выразительно фыркнула, что я невольно заткнулась.

– Кому ты рассказываешь. К своим почти уже двадцати восьми годам ты ни о чем больше толком и не думала, как о своей карьере.

– Если я не встречалась с каждым попадающим в мой радиус мужиком, это вовсе не значит, что я занималась карьерой, – обиженно возразила я. – Карьера – это у Черной Королевы, когда тебе еще нет тридцати, а ты уже возглавляешь какой-нибудь дурацкий IT-отдел крупного холдинга. Карьера – это когда у человека есть деньги на ипотеку. Карьера – это когда у тебя в расписании нет свободного места, чтобы впихнуть визит к стоматологу, поэтому стоматолог едет к тебе и смотрит на твои прекрасные, вполне возможно, фарфоровые зубы прямо в твоём автомобиле с шофером. Карьера у Вити Постникова, и это понятно по его костюмам.

– Карьера у твоего Малдера, да? – хмыкнула Маша.

– Ну да, у него тоже. А у меня ничего.

– Слушай, а почему вообще для тебя так это важно – доказать мне, что ты не состоялась ни в чем. Можно подумать, я кровно обидела тебя, обвинив в том, что ты где-то хоть в чем-то добилась успеха?

– Не знаю, – удивленно пожала плечами я. – Правда, не знаю. Может быть, я боюсь падать?

– Знаешь, твой жизненный путь – это как нижняя полка плацкартного вагона. Если ты и упадешь, то ушибиться больно все равно не получится.

– Вот! – воскликнула я, вяло отмахиваясь от вишневого

дыма. – Видишь, ты можешь найти хорошее сравнение, а я – нет. О чем это говорит?

– Да ни о чем это не говорит, кроме того, что ты как дура не спала всю ночь, гоняясь за призраками в компьютере своей Снежной Королевы.

– Не Снежной, а Черной, – поправила ее я. – Вот что я ей теперь скажу?

– А ничего не говори. Вообще чего плохого в том, что за ней кто-то подсматривает по ночам? Знаешь, как говорят – красивые женщины всегда несчастны. Может, это ее судьба – этот хакер твой. Хоть личную жизнь устроит. А то ведь как статуя в музее. – Машка театрально вздохнула. – Красивая, холодная и одинокая.

– Судьба? Быть зарезанной маньяком?

– Если бы меня кто-то так хотел, я бы этим человеком не разбрасывалась. Подглядывать по ночам, м-м-м, прямо эротично.

– Ты сбрендила! – рассмеялась я.

– Ага, – не стала спорить Машка. – А все почему? Раньше у меня хоть мечта была, я мечтала согреть очаг нашему Кренделю. А теперь ни мечты, ни Кренделя. И только Панночка в бухгалтерии все время сбрасывает чьи-то звонки и краснеет. Но мы все знаем, что звонит ей Витя Постников.

– Постников и Панночка! Это прямо как инцест, – передернуло от омерзения меня. Я с одинаковой брезгливостью не любила обоих.

– Ну вот да. И ведь Панночка – замужня женщина, между прочим!

– Слушай, а ты не знаешь, кто у нас в руководстве Кирилл? – спросила я, неожиданно даже для самой себя. Машка некоторое время задумчиво переваривала мой вопрос.

– Нет, ну ты как спросишь! – возмутилась в конце концов она. – Кирилл? Просто Кирилл? В каком именно руководстве, у нас тут ведь руководства – как грязи. В руководстве всего холдинга или какого-то определенного отделения? В каком отделе? Хотя бы тут, в Москве, или в Нефтеюганске? В какой хотя бы сфере? И зачем тебе? Ага, это он, что ли, маньяк-то твой?

– Не мой, королевский. Так, заканчивай вытягивать из меня сплетни. Я сама ничего не знаю точно. Черная Королева, она ведь ничего толком не рассказывает, одни полупамеки, – вздохнула я. Машка дососала свою электронную пыхтелку и принялась подкрашивать губы. После того как из нашего отдела уволили ее большую мечту всей жизни – нашего начальника Кренделева – Машка страдала и присматривалась, присматривалась и страдала. Но макияж делала каждый день, чтобы, как говорится, не упустить.

Я дотащилась до своего рабочего места, серого кубика, отгороженного по бокам перегородками, и выкинула из головы все мысли о маньяках. Как говорится, с глаз долой – из сердца вон. Я так решала большинство своих жизненных про-

блем путем запихивания головы в песок. И хотя от того песка уже давно скрежетало на зубах, а мысль о том, как беззащитны в этой позе другие части моего тельца, не давала покоя, я все равно упорно продолжала так делать. В теплом песке темно и спокойно. Словно ничего не происходит. Я воткнула наушники в телефон, включила музыку и погрузилась в исполнение моих прямых обязанностей – для разнообразия.

Они были всевозможными и хаотичными. Я тестировала программы на предмет конфликтов и ошибок, писала части других программ, решала уже выявленные проблемы, такие как повторяющаяся потеря куска базы данных отдела продаж в подразделении производственного сектора. Я играла в сапера – старого, доброго, надежного. Самое дело для человека, который едет по жизни на нижней полке плацкарта.

– Файка! Эй, очнись! – Лицо моего друга Сашки Гусева мимически отражало то, что он мне пытался прошептать, но аудиоряд не мог пробиться сквозь ритмы Mando Diaó. Я «подвисла», и тогда Сашка пнул меня под столом ногой по голени. Наши столы – смежные, два прямоугольника с одной общей стороной, поэтому технически такой номер вполне исполним. Фактически же – чистое свинство. Удар кроссовком по голени – пребольнейшая штука. Я ойкнула и стащила наушники с ушей. Заводная песня Mando Diaó теперь пела у меня на шее.

– Сдурел? – прорычала я и только тут заметила ее – мой

дамоклов меч сегодняшнего дня, Черную Королеву. Она стояла чуть поодаль и с интересом разглядывала меня. С увлечением, сути которого я не могла понять. Я – совершенно неинтересный человек, самый скучный, невозможный человек. Но Оксана Павловна смотрела на меня тем самым взглядом, словно пытаюсь меня разгадать, просчитать, как sudoku.

– Извините, – выдавила я, отбрасывая все еще поющие свою песню наушники. – Я не видела, как вы пришли.

– И не слышали, – хмыкнула Оксана Павловна. – Это я уже и сама поняла.

– Вы по поводу компьютера?

– Вы принесли его?

– Я принесла, да, но... я не уверена, что закончила.

– Вы не уверены? – изумилась она. – Как же так, вы либо закончили, либо НЕ закончили, третьего не дано, и уж кто-кто, а вы, математик, должны это понимать. Разве не так?

– Я не совсем математик, – начала было я, но Оксана Павловна посмотрела на меня таким испепеляющим взглядом, что я тут же заткнулась.

– Идемте со мной, – скомандовала она, и я тут же побежала за ней, как собачка на поводке. По пути я раздумывала над тем, как я бы хотела обладать такой вот царственной походкой и таким вот испепеляющим взглядом. Я бы время от времени смотрела им на Малдера моего Вячеславовича, и он бы не смеялся надо мной постоянно, словно я какой-то клоун.

– А где ноутбук? – удивленно оглядела меня Черная Королева, когда мы уже стояли в дверях ее кабинета.

– Ух, черт, – выпалила я и побежала обратно в зал. Да, определенно бессонницу я переношу все хуже и хуже. Раньше ночами напролет «кодила» и ничего, потом бежала и «кодила» дальше, уже днем. А сейчас все буквально выпадает из головы, стоит не поспать.

Старость – не радость.

– Итак? – грозно вопрошала Оксана Павловна, когда я зашла в ее кабинет, полный чистоты и стекла. Да, вот он – успех. Вот она – карьера. В темно-синем шелковом комбинезоне с белоснежной оторочкой, в туфлях, на которых я бы точно не устояла, упала бы и разбилась – с такой-то высоты, с изящным ожерельем из каких-то черных камней, а к ним – перстень и браслет. А у меня даже маникюр не сделан. Да и не люблю я маникюр, ногти цокают по клавиатуре, мешают печатать, «кодить».

– Я хотела попросить вашего разрешения и все-таки показать машинку кому-то еще. Мне не хватает квалификации, а случай сложный. Я ведь не эксперт по хакерским взломам, может быть, я чего-то не знаю. Или появились какие-то новые вирусы или даже типы файлов, которые я просто не умею искать. Хотя я и перетряхнула там каждый байт...

– И ничего не нашли? Разве это плохо? Мне казалось, что

отрицательный результат – тоже результат.

– Да, конечно. – Я прикусила губу. – Только вот он не совсем отрицательный. Дело в том, что ночью я фактически наблюдала то, о чем вы говорили.

– Он включился? – Черная Королева сидела спокойно и говорила ровно, не меняя тона, но я заметила, как выпрямилась ее спина – словно она проглотила стальную палку. И глаза. Ее темные глаза расширились от ярости. Я вдруг поняла, что ей не просто интересно, она, естественно, хочет вернуть своему ноутбуку какие-то рабочие характеристики, но... Она в бешенстве. Черная Королева старается скрыть это, но она напугана.

– Да, к сожалению.

– Во сколько? В половине первого ночи? – спросила она, и я поняла, что такие включения происходили не несколько раз, они случались постоянно. Я кивнула, и некоторое время мы сидели молча, переваривая эту короткую, но такую информативную новость. В половине первого ночи какой-то неизвестный подключается к компьютеру моей начальницы, роскошной, красивой, одинокой женщины, а я так и не смогла понять, как именно это происходит.

– Мы можем полностью снести систему и переустановить ее заново. Что бы там ни было, в этом случае оно исчезнет.

– В компьютере – да, – холодно согласилась Черная Королева. С этим я даже поспорить не могла. – Поправьте меня, если я ошибаюсь. Вот как я понимаю ситуацию. Если мы

снесем систему, так и не узнав, что происходит, то мы отдадим инициативу в руки хакера. Что мы выиграем в результате? Ничего. Если и есть шанс понять, кто решил нервировать меня таким образом, то только если вы продолжите работать, искать вирус.

– Возможно, – кивнула я. – Если вы разрешите мне привлечь третьих лиц...

– Нет. Никаких третьих лиц.

– Никаких... – эхом повторила я.

– Ищите сами. Пусть будет дольше. Вы меня поняли?

– Да, конечно, – ответила я, хотя совершенно не была в этом уверена. Ничего я не понимала.

– Вы хотите пообедать? – неожиданно спросила Оксана Павловна, и вопрос этот поставил меня в полный тупик.

– Нет-нет, я не голодна.

– Я имею в виду, вы не хотите пойти пообедать. Сейчас? – переспросила Королева, заставив меня серьезно усомниться в моей способности правильно понимать ее вопросы. Чего она хочет узнать?

– Конечно, я могу пообедать, – кивнула я, пытаясь справиться с ощущением, что я захожу на опасную территорию, что я иду по тонкому подтаявшему льду. – Не то чтобы хочу, нет. Я могу еще долго работать и не есть, я в этом смысле довольно-таки хороша. Однажды я работала два дня и две ночи подряд и не ела ничего, кроме сухарей и печенья. Мы писали программу для одной банковской конторы. Аутсор-

синг. Но вы не подумайте, я этим занималась еще до того, как устроилась работать сюда, в «Муравейник».

– «Муравейник»?

– В смысле, в наш холдинг. А потом – ни-ни, никаких сторонних проектов.

– Так что насчет обеда? – повторила вопрос она. Я поймала себя на мысли, что не могу найти правильных аналогов смысла ее вопроса. Что именно она хочет узнать? Сколько я ем или как долго могу не есть? Или сколько времени я трачу на обед? Или сколько времени в среднем тратит рядовой персонал на еду? Но я – плохой пример, ничего и никогда не делаю так, как нормальные люди. Могу заглотнуть еду за один миг, даже не отрывая глаз от телефона, а могу сидеть и полчаса возить ложкой по какой-нибудь пшенной каше, пытаюсь уговорить себя и заговорить самой себе зубы пользой и здоровьем от этого омерзительного месива. Что именно она у меня спрашивает и с какой целью? Сказать, что с такой работой я на обед не заработала?

– Я... м-м-м... не... или да... или...

– Господи, что с вами не так? – Этот вопрос был мне куда более понятен. Черная Королева смотрела на меня с привычным удивлением посетителя зоопарка.

– Я могу не обедать, – выдала я ответ.

– Да? Это хорошо, конечно, а обедать вы можете? Пойти и пообедать. Кофе выпить. Поговорить. Но если вы «против»... – пожала плечами Оксана Павловна, пока я стояла

и смотрела на нее – чистый соляной столп. Никогда – НИКОГДА – в истории предприятия руководитель нашего отдела не звал меня обедать. Да она никогда не подходила даже близко к нашей столовой. Особенно в свете того случая отравления, из-за которого я чуть не угодила на скамью подсудимых. Да что там она – никто из нашего высшего руководства никогда не питался в столовой. Ни Крендель, ни тот пожилой ветеран, что был до него, ни кто-либо другой с «Олимпа». Сашка Гусев не в счет, он – свой парень и к тому же не руководитель, а заместитель – пожизненная карма. Пообедать с Черной Королевой? Даже не знаю. У меня ведь даже бального платья нет. Я не при параде. У меня шлепанцы не начищены. Если б я знала, отбелила бы зубы или там прическу сделала. Эпиляцию. Но Черная Королева смотрела на меня выжидающе. Держи друзей близко, а врагов еще ближе. А начальников – как можно дальше от себя.

И что мне делать? Преломить с ней хлеба? Я кивнула и сглотнула слюну. Во рту было сухо, как в пустыне. Почему она меня позвала? Зачем ей со мной обедать? Чего она хочет? Копают под меня? Да чего под меня копать, если достаточно дунуть – и я опаду, как кленовый лист. Но факт остался фактом, и Черная Королева рассеянно складывала какие-то мелочи в свою сумочку, убирала бумаги в сейф и созванивалась с кем-то, сообщая, что в ближайший час ее не будет в офисе и чтобы все вопросы переадресовывали ее сек-

ретарю. Она планировала со мной обедать. Никакого подвоха. Я ждала его по дороге к лифтам, чувствовала его во взглядах моих коллег, в удивленно приподнятых очках Вани Шарикова, в кривом изгибе одной брови Жорика, в прикрытом ладонью рте Сашки Гусева. Мы шли с Оксаной Павловной, как две почти подруги – рядом, рука об руку. Высокая черноволосая женщина в шикарном темно-синем комбинезоне морской тематики, роскошная, как житель небес, и я – нелепое блондинисто-лохматое чудище лесное, в шлепках и с сухими губами.

У входа в нашу заполненную людьми «кормильню» Оксана Павловна остановилась, словно запаниковав от обилия простых смертных, а затем она спросила меня, нет ли в нашем здании какого-то другого кафе.

– Только вот оно чего, Оксана Павловна, – пробормотала я. – Если уж быть до конца честной, наша столовая вряд ли может претендовать на уютное название «кафе». Кафе и рестораны – по ту сторону забора. Хотите – можем перелезть.

– Перелезть? – усмехнулась Оксана Павловна. Потом она перестала улыбаться и посмотрела на меня с беспокойством. – Вы серьезно?

– Ну, обычно нас выпускают отсюда через двери, но ведь мы не ищем легких путей! – Меня несло, а Оксана Павловна смотрела на меня с той смесью непонимания и удивления, с какой смотрят на дикаря племени мумба-юмба, который все выплясывает странный народный танец на глазах у кон-

кистадоров. Я замолчала, потом извинилась. Потом зачем-то добавила, что со мной это часто бывает.

– Что именно бывает? – невозмутимо поинтересовалась Оксана Павловна. – Когда вы ведете себя так, словно сами спрашиваетесь на неприятности? И на то, чтобы вас снова направили на консультацию к штатному психологу?

– Поразительно! – воскликнула я с невольным восхищением. – Точнее и не скажешь. Неприятности – мое второе имя.

– И я так понимаю, по доброй воле вы не остановитесь, – не столько спросила, сколько просто подвела итог Черная Королева.

– Простите, – снова извинилась я. – Я шучу, пока меня не расстреляют. Но мы пришли. Вот наша трапезная. Жизнь такая, какая она есть.

– Интересное место, – пробормотала Оксана Павловна, переводя взгляд – и тему – на нашу столовую, в которой, откровенно говоря, не было ничего интересного. Желтые стены цвета взбесившегося лимона, стальные трубки длинной витрины, в глубине которой дымились незамысловатые блюда – шницель с квашеной капустой, рагу из говядины, отбивная с яйцом, окрошка, чтобы никто не забывал, что у нас лето. Ни одно из этих блюд не сочеталось с темно-синим шелком, обнимавшим тело Черной Королевы, с ее грациозной, уверенной поступью. Такими пальцами не едят шницель, с таким маникюром не пьют компот. И все же – вот она,

не миф, не мираж, стоит рядом со мной и осматривается, как разведчик на вражеской территории. Интересно, что и остальные посетители «кормильни» смотрят на нас удивленно, недружелюбно и с подозрением, словно пытаюсь понять, что это мы тут делаем. С проверкой пришли? Ловим тех, кто проводит тут больше времени, чем положено в соответствии с трудовым расписанием?

– Думаете, это можно есть? – Оксана Павловна ткнула пальцем в рагу. Я покачала головой и посоветовала ей шницель. Беспроигрышный вариант, не так-то легко испортить простой кусок грудки, обжаренный в кляре. Королева кивнула и предоставила остальное мне. Я заказала еду, набрала нам ложек-вилок на подносы, раздобыла два кофе – черный эспрессо для нее и капучино для меня. Люди косились и на меня тоже, пытаюсь понять, что именно объединяет нас с Королевой здесь и сейчас. Эх, други, если бы я сама понимала!

– Сядем здесь? – спросила я, указывая на свободный столик у окна. Оксана Павловна равнодушно скользнула взглядом по столовому помещению и кивнула. Она была задумчива и печальна. Это все было ей к лицу, печаль шла ей еще больше, чем суровый имидж командира войска. Я никогда не испытывала особенных комплексов относительно собственной внешности, но иногда мне все же хотелось почувствовать – хотя бы ненадолго, – что это значит, каково это – быть по-настоящему роскошной женщиной, такой, в присутствии которой мужчины вдруг встают, сами не зная зачем. Просто

не могут в ее присутствии сидеть. Краем глаза я заметила, что в столовую вошла Машка Горобец. Она посмотрела на меня, заулыбалась и пошла было ко мне, но кто-то дернул ее за руку, что-то сказал ей на ухо, и она остановилась, посмотрела на меня еще раз. Да-да, я не одна. Машка вытаращилась и принялась строить мне рожи и делать жесты, как персонаж из немого кино. Я тараясь в ответ, когда Оксана Павловна не видела. Уходи, Машка, уходи от греха подальше. Оксана Павловна ковырялась в шницеле, но так и не решилась его попробовать. У меня тоже что-то как-то пропал аппетит. Наконец она посмотрела на меня, и ее глаза были больными и безумно усталыми.

– Значит, мне не привиделось? – спросила она наконец. – И это не обычный вирус, который хочет украсть мою кредитку? Какая жалость.

– А о чем вы хотели со мной поговорить? – поинтересовалась я, сама не зная зачем. Оксана Павловна отодвинула шницель и наклонилась ко мне. Она постукивала ноготками по столешнице и смотрела на солонку как на артефакт с ключами ко всем вопросам. Ее лицо было сосредоточенным.

– Да ни о чем, если честно. Разве что об очевидном. Как же я от всего этого устала, господи. Думаете, вы сможете найти этого идиота? Не важно, на самом деле это совершенно не важно. Найдем и обезвредим этого, найдется кто-то другой. У меня всегда так – кто-нибудь что-нибудь устроит, и я буду разбираться с последствиями. Знали бы вы, Фаина, как я

иногда ненавижу свою жизнь, — сказала она. А я, признаться, меньше всего была готова услышать такой ответ.

* * *

Это было так, будто нас обеих, и меня, и Черную Королеву, вдруг перенесли внутрь одной из картин Сальвадора Дали. Время «потекло» по стенам вниз, бабочки в парусах быстрокрылой каравеллы уносили меня все дальше в пропасть, и над всем этим кружил неугомонный летающий слон. Оксана Павловна смотрела на солонку и говорила мне о том, как она хочет, чтобы все в ее жизни было проще и понятнее, что она хочет быть такой, как я. А я только и могла, что думать — это до какой же степени в самом деле нужно ненавидеть свою жизнь, чтобы хотеть быть мной. Или она издевается? Она себя в зеркало видела? А меня она успела разглядеть? Я-то уже как-то смирилась с тем, что мне приходится смотреть на свое лицо в зеркале каждый день. Что поде-лаешь, генетический Санта-Клаус далеко не всем приносит набор дезоксирибонуклеиновых кислот, закодированных на идеальную форму носа или чарующие, полные интриги темные глаза в бархатных ресницах. Мой папа любил шутить, что в моем случае матушка-природа вложилась в конструкцию мозга, и это лучшее, что она могла сделать. Кому нужны ноги, когда можно думать головой?

Когда я была подростком, то была с ним совершенно не согласна. Теперь? Да и теперь. Ноги еще никому не мешали.

– Ладно, извините, Фаина, – продолжала говорить Оксана Павловна, – я не хотела грузить вас своими проблемами, это вообще-то не в моих правилах. Не важно, давайте поедим. Впрочем, я не голодна.

– Это ничего, – пробормотала я, не зная, как реагировать на это все. Как я тут оказалась? Почему мы вообще разговариваем так, словно бесконечная стеклянная стена между нами вдруг на секунду исчезла? Голос Оксаны Павловны был ровным, спокойным, даже бытовым, и это входило в такой контраст с тем, что именно она говорила, что у меня мурашки бежали по спине. Я собралась с мыслями, а затем ответила ей.

– Нет-нет, это все – мелочь, минутная слабость. В самом деле нужно просто просчитать ситуацию и сделать все необходимое для предотвращения последствий. Нужно все перепроверить. Обычный рабочий момент, да? – сказала Черная Королева.

– Нужно быть осторожнее с выводами. Если какому-то отдельному индивидууму пришло в голову устроить такое, это еще не значит, что все вокруг такие. Людей слишком много на планете Земля, чтобы все они обладали какими-то едиными психоповеденческими характеристиками, это даже статистически невозможно. Даже если отсортировать одних толь-

ко мужчин, все равно выйдет большая вариативность, – пробормотала я. Черная Королева выслушала меня с выражением неземной задумчивости на лице, а затем она покачала головой.

– Порой мне кажется, что вы говорите не совсем на русском, – пробормотала она. – Значит, большая вариативность? Все люди разные? Вы это хотели сказать?

– Все мужчины – разные, – уточнила я, краснея.

– Но все мужчины – мужчины, – возразила она, втыкая вилку в шницель. – Все они подчиняются одним и тем же законам природы, разве не так? Гормоны, инстинкты – это же для них всех общее.

– Гормоны – да, не отрицаю, – согласилась с ней я. – Но само наличие какого-нибудь тестостерона в крови вовсе не обязывает мужчину устанавливать вирус слежения в ноутбук. Скорее, наоборот.

– Что – наоборот? – переспросила она, улыбаясь даже не губами, а глазами. Большие, усталые, насмешливые глаза. – Тестостерон заставляет мужчин стирать вирус слежения из моего ноутбука?

– Я, конечно, не говорю, что все они – идеал, но встречаются и адекватные...

– Вот видите, до чего я дошла в своих подозрениях. Уже вы меня утешаете! Впрочем, ничего удивительного. Возможно, вы и сталкивались в жизни с чем-то другим. К примеру, я же вижу, как вы общаетесь с вашим этим... как же его... – Я

замерла в ожидании упоминания «святого» имени Малдера, но Черная Королева щелкнула пальцем. – Этот ваш Гусев. Кажется, Александр, да?

– Да, он Александр. И да, мы общаемся. Но он просто мой друг, – пожала плечами я.

– Но он выглядит как нормальный, адекватный человек. Однако это не значит, что у него в шкафу нет скелетов. В определенных обстоятельствах и он может начать творить нечто совершенно дикое, странное. Я видела это много раз. Люди способны на самые неожиданные поступки. Как та сумасшедшая, из-за которой вас чуть не уволили.

– Чуть не посадили, вы хотите сказать, – горько усмехнулась я. – И все же было бы странно, если бы Сашка Гусев стал наблюдать за мной через видеоискатель, – вслух подумала я. Забавно, что, обзаведясь молодым человеком, я чувствую прямую потребность встать на защиту всего рода мужского.

– Думаете, такое совершенно невозможно? – с сомнением спросила Королева. – Даже на десять процентов? Ну, ответьте.

– Десять процентов?

– Хотя бы пять? Что скажете? Может ли такое стать при определенных обстоятельствах, что даже ваш Саша Гусев подсунет вирус в ваш компьютер.

– Технически такое возможно. Но на практике, нет, не думаю. Только если бы мы, к примеру, поспорили, способен

он или нет взломать мой компьютер, обойти все защиты и экраны. На спор он, возможно, и сделал бы такое. Чтобы доказать мне что-то... профессиональное. Но никак иначе!

– Ваша вера в человечество умиляет. Хотела бы, чтобы моя жизнь была такой же простой и прекрасной, как ваша, – хмыкнула Оксана Павловна. – Значит, только чтобы доказать что-то профессиональное, ваш Саша может вас подставить.

– Не подставить, а...

– Я поняла. Но вы полностью исключаете возможную агрессию с его стороны, даже для достижения профессиональных бонусов?

– Да какие от меня бонусы? – фыркнула я. Столовая гудела, люди перемещались от раздаточного стола к кассе, а потом к столам, которые освобождались и тут же снова занимались первыми подоспевшими счастливицами. Час пик в столовой нарастал, но, словно сговорившись, толпа обтекала наш столик «на четверых» так, словно мы были невидимки, отгороженные защитным полем. Кто-то удивленно смотрел на нас, кто-то кивал и шептал что-то другому на ушко. Краем глаза я заметила, как мимо нас к кофейному аппарату прошел Витя Постников. Он в столовой вообще появлялся крайне редко, не по чину ему тут щи хлебать, как и моей Королеве, впрочем. Но сегодня дернул черт его припереться. Он с одобрением кивнул мне и ухмыльнулся, словно хотел сказать – «наконец-то ты, Фая Ромашина, начала выслуживаться перед начальством, давно пора». Я демонстративно

отвернулась и принялась яростно дорезать остатки шницеля.

– От вас много бонусов, вы просто недооцениваете то, каким уровнем допуска обладаете тут, на предприятии. Информация – то же оружие, что и вирусы. Вы можете оказаться вовлечены в схему, о существовании которой даже не подозреваете. Пострадать от нее, не имея представления о том, во что вляпались. В моем случае уровень риска еще выше. – Черная Королева холодно кивнула Постникову и аккуратно задвинула чуть отодвинутый стул, давая понять, что присоединиться к нам и попить с нами кофейку не получится.

– И личный фактор, – против воли признала я. Оксана Павловна кивнула и отодвинула от себя тарелку, к содержанию которой она практически не прикоснулась.

– Кому-то я отказала в дружбе, кому-то в чем-то большем, кому-то кажется, что я заняла чье-то место, кто-то хочет мне отомстить. Кто-то хочет повлиять на принимаемые мною решения. Кто-то просто ненавидит меня. Вплоть до того, чтобы установить вирус в мой ноутбук.

– Веселенький тезис, – вздохнула я.

– Может быть, для того, чтобы опорочить мое имя, – продолжала спокойно, с каким-то чисто исследовательским интересом перечислять Королева. – Или нанести удар по моей профессиональной репутации. Чтобы заставить меня нервничать, напугать. Чтобы выложить в Интернет мои фотографии. Устроить какое-нибудь паскудство.

– Стоп-стоп-стоп, – взмахнула руками я, чуть не опроки-

нув посуду. – Зачем сразу предполагать самое худшее? И вообще, чтобы сделать фотографию похабного характера и разместить ее на просторах Интернета, вовсе не требуется снимать вас на видеокамеру. Уж простите за прямоту, но ведь у такой съемки и качество будет оставлять желать лучшего, и свет будет ужасный. Сейчас ведь у любого мало-мальски важного человека в Интернете имеются фотографии. Вот смотрите, – и я достала из кармана телефон. – Вписываю ваше имя в строке поиска, нажимаю на вкладку с картинками и сразу получаю фотографии. Видите, сколько результатов.

– Действительно! – удивленно ахнула Королева, когда на экране моего телефона появились бесконечные прямоугольнички с лицом Оксаны Павловны Метлицкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.